

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»**

Институт международных отношений и мировой истории

Ю.П. Помелова, О.В. Сафронова

**Материалы для чтения по теории международных отношений
Часть 3. Глобализм**

Учебно-методическое пособие

Рекомендовано методической комиссией Института международных отношений
и мировой истории для студентов, обучающихся
по направлению подготовки 41.03.01 «Зарубежное регионоведение»

Нижний Новгород

2020

УДК 327 (075.8)
ББК Ф4(0)я73-3
П 55

П 55 Материалы для чтения по теории международных отношений. Часть 3. Глобализм: учебно-методическое пособие [Электронное издание] / Авторы-составители: Ю.П. Помелова, О.В. Сафронова. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 90 с.

Рецензент: к.и.н., доцент В.В. Толкачев

Учебно-методическое пособие является частью учебно-методического комплекса по дисциплине «Теория международных отношений» (ТМО) и включает материалы теоретических исследований, предназначенные для изучения на семинарских занятиях. Они призваны помочь студентам понять специфику становления и развития ТМО как научной дисциплины, а также способствовать освоению принципов теоретического анализа международных отношений.

В данном издании – третьей части учебно-методического пособия – собраны тексты ведущих теоретиков, рассматриваемые на семинарских занятиях по дисциплине и принадлежащих к глобалистской парадигме. Изучение представленных в пособии материалов позволяет сформировать знания о специфических особенностях теоретических школ, а также об их проблематике, понятийном аппарате и системе теоретических построений.

Пособие предназначено для студентов Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, обучающихся по направлению подготовки 41.03.01 «Зарубежное регионоведение».

Ответственный за выпуск:
председатель методической комиссии
Института международных отношений и мировой истории ННГУ,
к.и.н., доцент С.В. Бушуева

УДК 327 (075.8)
ББК Ф4(0)я73-3

© Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Развитие теоретических исследований в рамках неомарксистской парадигмы	5
Тема 1. Теория империализма <i>Владимир Ильич Ленин</i> Империализм, как высшая стадия капитализма	13
Тема 2. Теория миро-экономики <i>Иммануил Валлерстайн</i> Подъем и будущий закат мировой капиталистической системы: концепции сравнительного анализа	53
Заключение	89

ВВЕДЕНИЕ

Данное издание представляет собой третью часть учебно-методического пособия по Теории международных отношений (ТМО). Как учебная дисциплина ТМО преподается студентам, обучающимся по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение», на третьем курсе.

Целью учебной дисциплины является освоение студентами основ научного (теоретического в широком смысле) анализа международных отношений и формирование способности применять научный инструментарий при проведении собственных исследований. Изучение теоретических материалов позволяет овладеть знаниями о проблематике, понятийном аппарате и системе теоретических построений в рамках трех классических парадигм ТМО, сложившихся во второй половине XX века: *реализма* (реалистская парадигма), *плюрализма* (либерально-идеалистическая парадигма) и *глобализма* (неомарксистская парадигма).

На семинарских занятиях, а также при подготовке к ним, студенты работают с текстами ведущих теоретиков международных отношений, используя методику «Чтение с остановками», разрабатываемую в рамках педагогической технологии развития критического мышления. Следует обратить внимание на то, что каждый из представленных в пособии текстов разбит на части, которые сопровождаются вопросами, призванными помочь уяснить сущность представленных концепций и теорий. Опираясь на них, и следует организовать самостоятельную внеаудиторную работу.

На семинарских занятиях осуществляется контроль самостоятельной работы студентов в виде оценки участия в обсуждении текстов.

Данная – третья – часть учебно-методического пособия содержит материалы для изучения по разделу «Глобализм».

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ НЕОМАРКСИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Развитие радикального направления исследований международных отношений, идущего от классического марксизма, представляет большой интерес. В истории становления неомарксистской парадигмы (глобализма) в рамках ТМО есть немало парадоксов. С одной стороны, ленинская теория империализма и империалистической войны является одной из первых попыток концептуального осмысления феномена всемирной (глобальной) системы международных отношений; тем самым эта теория явилась одним из оснований науки международных отношений в ее современном понимании. С другой стороны, окончательное оформление радикального направления исследований как самостоятельной и признаваемой научным сообществом научной парадигмы в ТМО состоялось достаточно поздно – в 1970-е годы. Еще один парадокс заключается в том, что в СССР – стране победившего марксизма – развитие радикальных теоретических исследований было резко ограничено в силу того, что марксизм стал господствующей идеологией и догмой, что ставило ученых в очень жесткие рамки, не позволяя творчески развивать теорию. Есть немало и других интересных страниц в развитии марксистских взглядов на анализ международных отношений.

Мы уже отметили, что разработанная **Владимиром Ильичем Лениным** марксистская теория империализма и империалистической войны стала одним из источников формирования современной ТМО. Опираясь на постулаты классического марксизма и творчески переосмысливая работы своих современников – в частности Р. Гильфердинга и Дж. Гобсона – В.И. Ленин рассматривает новую стадию в развитии капитализма – империализм. Последний рассматривается им как закономерная и объективно достигнутая высшая – монополистическая – стадия в развитии капитализма (**тема 1**). Исходя из неотвратимости наступления этой новой стадии капитализма, неизбежной, с точки зрения В.И.Ленина, является и империалистическая, то есть захватническая, грабительская, разбойническая война «из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний и сфер влияния

финансового капитала». Вывод марксиста В.И. Ленина однозначен: единственным лекарством против язв империализма может стать только социалистическая революция, призванная кардинальным образом уничтожить его первооснову – частную собственность.

Следует обратить внимание, что в работах В.И. Ленина последовательно реализуются мировоззренческие принципы классического марксизма. Среди них, прежде всего следует назвать *экономический детерминизм*, то есть объяснение феноменов общественных отношений базисными экономическими факторами, в основе которых – отношения собственности. С точки зрения классического марксизма, политика государств – как внешняя, так и внутренняя – относится к политической надстройке, которая обусловлена природой социально-экономического строя. Экономический фактор оказывает решающее воздействие на формирование политики.

В зависимости от отношений собственности складывается классовая структура общества; отношения между классами всегда определяются как отношения *эксплуатации* собственниками средств производства тех слоев, которые этой собственности не имеют. Отсюда, незыблемый для марксистского анализа *классовый подход*: общественные отношения всегда анализируются как отношения *господства-подчинения*.

Следует обратить внимание на те черты ленинской теории империализма, которые заложили основу современных радикальных неомарксистских концепций, часто объединяемых названием «глобализм». Последнее определение применимо в силу того, что мир представляется этими исследователями как единая система, базисом которой является мировое капиталистическое хозяйство. «Капитализм давно создал всемирный рынок», – отмечал В.И. Ленин. «Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизирующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное хозяйство, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство». «Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма...».

Марксистское представление об эксплуататорской сущности капитализма переносится в теории В.И. Ленина на всемирное хозяйство. «Капитализм выделил теперь горстку (менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром» и преувеличенном подсчете менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят – простой «стрижкой купонов» – весь мир», – отмечает он. «На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: ...монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров». «Гигантского развития вывоз капитала достиг только в начале XX века. Перед войной вложенный за границей капитал трех главных стран достигал 175-200 миллиардов франков. Доход с этой суммы, по скромной норме в 5%, должен достигать 8-10 миллиардов франков в год. Солидная основа империалистического угнетения и эксплуатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств!»

Следует обратить внимание на то, что ленинский анализ мирового хозяйства как единой капиталистической системы содержит в себе элементы системного подхода. Эти положения сыграли весьма важную роль в становлении последнего в науке о международных отношениях (напомним, что он оформился и укоренился в ТМО в середине XX века). Не менее значимыми для науки стали и исследования В.И.Ленина относительно природы войны. Ее причины объясняются исходя из марксистского понимания сущности исторического процесса.

При изучении отрывков из работы В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», вышедшей в 1916 году, следует также обратить внимание на то, что брошюра была написана с политической целью подготовки революции в России – отсюда специфика стиля и аргументации автора.

Вплоть до 1960-х гг. развитие теории международных отношений развивалось главным образом как противопоставление реалистской и плюралистской парадигм. Однако к 1970-м годам сложилось восприятие ТМО как дисциплины, вовлеченной в трехсторонние дебаты: наряду с реализмом и плюрализмом

неомарксизм стал рассматриваться как самостоятельная и имеющая право на существование парадигма ТМО, хотя следует признать, что радикальная исследовательская программа не занимала в ТМО центрального места. Сложилось также восприятие парадигм как различающихся в применении системного анализа. Так, Джеймс Н. Розенау отмечал, что парадигмы отличаются по тому, на каком уровне анализа они делают акцент: государство как актор – для реализма; множество негосударственных, субгосударственных, надгосударственных и трансгосударственных акторов – для либерализма; система в целом – для неомарксизма.

Некоторые из наиболее провокационных работ в рамках радикальной парадигмы вышли из-под пера ученых-обществоведов, изучающих Латинскую Америку (среди них были как латиноамериканские авторы, так и европейцы и американцы). Со временем они стали известны под общим названием теоретиков зависимости. Некоторые из них работали в 1960-е гг. в Экономической комиссии ООН по Латинской Америке и Конференции по торговле и развитию ООН. В центре их исследований был вопрос, почему в экономическом развитии Латинской Америки и других регионов третьего мира не повторялся исторический опыт развития капитализма в Европе и Северной Америке?

Сторонники концепции модернизации пытались дать ответ на этот вопрос. Они фокусировали свое внимание на процессе перехода от традиционного общества к индустриальному. Культурные ценности традиционного общества считались ими препятствием на пути модернизации: развивающиеся страны не могут порвать с прошлым, у них нет того духа предпринимательства, который был в Европе на заре капитализма в XVI веке. Взгляд сторонников концепции модернизации был достаточно узок: они исследовали неравные условия торговли между экспортировавшим сырье третьим миром и индустриально развитыми странами, экспортирующими промышленные товары. Рекомендации Экономической комиссии ООН по Латинской Америке заключались в диверсификации экспорта и развитии импортозамещающего производства. Однако этот политический курс не привел к желаемым результатам, напротив, он лишь увеличил

зависимость развивающихся стран от ТНК, которых приглашали для развертывания внутреннего промышленного производства. Подчеркивалось учеными также и то, что не все страны третьего мира постигла неудача в экономическом развитии. В некоторых странах наблюдался экономический рост, но он был обеспечен лишь тогда, когда индустриально развитые страны проявляли особую заинтересованность в каком-либо виде сырья и сельскохозяйственной продукции.

Критики этой концепции, прежде всего, подчеркивали, что дихотомия «традиция-модерн» универсальна. Кроме этого, они отмечали, что разработчики концепции модернизации рассматривали развитие государства и общества в отрыве от международных политических и экономических факторов, не обращая внимания на то, какое место занимают развивающиеся страны в мировой капиталистической системе.

Другая группа ученых (Дж. Самуэль Валензуэло и Артуро Валензуэло, Фернандо Энрике Кардозу, Самир Амин, Арджири Иммануэль) в своих исследованиях более четко отмечали политические и социальные факторы в контексте мировой капиталистической системы, которые «привязывали» Латинскую Америку к Северной. Они отмечали, что экономический рост в развивающихся странах не является автономным – если он и случается, то соотносится с подъемами и спадами в развитых странах. Выбор латиноамериканских стран ограничен иерархичной мировой капиталистической системой. «Паутина зависимости» усиливает неравный обмен между Севером и Югом. Возможности развивающихся стран незначительны, потому им отведена подчиненная роль в капитализме. Экономическая эксплуатация развивающихся стран со стороны индустриально развитых не является случайной, она является неотъемлемой частью капиталистической системы, что и обеспечивает ее функционирование. В результате, недоразвитость ряда стран не является моментом в эволюции общества, которое экономически, политически и культурно автономно и изолировано. Латиноамериканские и другие страны третьего мира предпринимают попытку развития в совершенно иных условиях, чем индустриально развитые страны.

Сторонники теории зависимости достаточно широко используют марксистскую терминологию, подчеркивая, что более значимыми являются не отношения между государствами, а транснациональные классовые отношения, которые связывают буржуазные элиты развитых и развивающихся стран. Интересно, например, как эти исследователи определяют место ТНК – их оценки отличаются в зависимости от парадигмальной позиции. Так, для реалистов ТНК обладают вторичной значимостью, так как в их исследованиях акцентируется роль государства как центрального международного актора. Для либерального направления ТНК является одним из целого ряда акторов. Для радикальной парадигмы именно ТНК выступают в роли ключевых игроков, устанавливающих и поддерживающих отношения зависимости.

Пожалуй, наиболее известной западной концепцией, относящейся к радикальной парадигме, является теория «миро-экономики», или «капиталистической миро-системы» (Иммануил Валлерстайн, Кристофер Чейз-Данн, Теренс Хопкинс). Эта теория отличается от теории зависимости в двух аспектах. Во-первых, ее сторонники стремятся понять не только, и не столько отсутствие развития в латиноамериканских странах, но экономическое, политическое и социальное развитие всех регионов мира. Развитые и развивающиеся страны, «победители» и «проигравшие» исследуются с общей целью объяснить существование неравномерного развития мира. Во-вторых, целью теоретиков миро-системы является стремление понять судьбу различных частей мира в различные исторические периоды времени в более широком контексте развития мировой политэкономии: приоритетом для них является объяснение становления и развития глобальной капиталистической системы в исторической перспективе.

Самым ярким представителем теории миро-системы является **Иммануил М. Валлерстайн**. В своем многотомном издании «Современная миро-система» он ставит перед собой задачу объяснить происхождение и динамику современной мировой экономики и существование неравномерного развития в масштабах всего мира (**тема 2**). Концепция «миро-экономики», с точки зрения автора,

должна быть противопоставлена международной экономике. Последняя предполагает, что существует ряд отдельных «экономик», национальных по масштабам, и что при определенных условиях между ними осуществляется обмен. Те, кто используют эту концепцию, доказывают, что в XX в. эти контакты расширяются и достигают масштабов глобальной системы.

Концепция «миро-экономики», напротив, предполагает, что «экономика» существует там, где есть значительное и относительно законченное социальное разделение труда в интегрированном наборе производственных процессов, которые связаны посредством рынка. Исходя из этого, миро-экономика не является новой в XX веке, она – капиталистическая по форме – существует, по крайней мере, в части земного шара с XVI века.

С точки зрения И. Валлерстайна структура миро-экономики состоит из центра (ядра), полупериферии и периферии, основой для деления является набор отраслей, который представлен в экономике той или иной страны: для стран центра – это наиболее передовые высокотехнологичные отрасли, для периферии – добыча и реализация сырья, для полупериферии свойственно переплетение и тех, и других. В противовес либеральной идее о специализации, основанной на сравнительных преимуществах, теория миро-системы настаивает на том, что разделение труда «центр-периферия» носит неравный эксплуататорский характер и лишь увеличивает неравенство между ними. Такое несправедливое распределение благ, с точки зрения неомарксистов, выдвигает объективное требование сознательного управления происходящими процессами.

Выше мы уже отмечали, что в СССР – оплоте марксизма-ленинизма – марксизм – как философия и методология исследования – не смог получить развития в силу того, что стал своеобразным «заложником» идеологии. Какой-то самостоятельной законченной теории советскими международниками не было представлено. Однако вклад отечественных ученых в разработку системного подхода был значительным и интересным. В данном контексте следует, прежде всего, отметить группу исследователей, работавших в ИМЭМО АН СССР под руководством В.И. Гантмана. В 1984 г. вышел их объемный труд «Система,

структура и процесс развития современных международных отношений», хотя и не свободный от идеологических штампов, но не потерявший и по сей день своей актуальности из-за глубины, стройности и последовательности системного анализа международных отношений. С другой стороны, потребности практической дипломатии стимулировали прикладные исследования – они активно и плодотворно развивались в рамках исследовательских структур в МГИМО МИД.

Во второй половине XX века на Западе академический интерес к марксизму был маргинальным, хотя и всегда присутствовал. Особое внимание он привлек к себе (особенно то направление в марксизме, которое связано с работами Антонио Грамши) в ходе развернувшегося во второй половине 1980-х гг. постпозитивистского «большого спора». То сути своей марксистская Критическая теория, ставшая одним из самых ярких манифестаций постпозитивизма в ТМО, поставила перед учеными вопросы, требующие фундаментального переосмысления роли научного поиска и определения места ученых в современном обществе. Детальному анализу постпозитивистской Критической теории посвящены лекционные занятия по дисциплине.

Ниже представлены отрывки из работ В.И. Ленина и Иммануила Валлерстайна. Тексты сопровождаются вопросами, которые помогут понять сущность представленных теорий.

О.В. Сафронова

ТЕМА 1. ТЕОРИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА В.И. ЛЕНИНА

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1870-1924) прежде всего известен как политический и государственный деятель, один из руководителей Октябрьской революции 1917 года, председатель первого Советского правительства. Однако для научного сообщества большее значение имеют его политико-публицистические труды, развивавшие философские, политэкономические и социально-политические идеи К. Маркса и Ф. Энгельса (вклад В.И. Ленина в творческое развитие идей классиков марксизма получил отражение и в соответствующем термине: марксизм-ленинизм).

Работа «Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк)», написанная В.И. Лениным в Цюрихе в 1916 году и опубликованная в Петрограде в 1917 году, преследовала реализацию политических целей: доказательства того, что Россия готова к осуществлению социалистической революции. При всей неоднозначности политических выводов автора, его анализ экономических реалий конца XIX – начала XX вв. не потерял актуальности и в начале XXI века: стоит только задуматься над глубокими корнями современного мирового финансового кризиса и его последствиями и можно увидеть, как механизмы становления и развития финансового капитала и финансовой олигархии, определяемые В.И. Лениным, работают и по сей день. Не менее весомыми для развития современного радикального направления в исследованиях международных отношений стали выводы В.И. Ленина о природе империалистической войны.

Ниже приводятся отрывки из названной работы В.И. Ленина, позволяющие воспроизвести логику автора в анализе сущности империализма.

Владимир Ильич Ленин

ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА (Популярный очерк)*

[с.11] За последние 15-20 лет, особенно после испано-американской (1898) и англо-бурской (1899-1902) войны, экономическая, а также политическая литература старого и нового света все чаще и чаще останавливается на понятии «империализм» для характеристики переживаемой нами эпохи. В 1902 году в Лондоне и Нью-Йорке вышло в свет сочинение английского экономиста Дж.А. Гобсона: «Империализм». Автор, стоящий на точке зрения буржуазного социал-реформизма и пацифизма – однородной, в сущности, с теперешней позицией бывшего марксиста К. Каутского, – дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма. В 1910 году в Вене вышло в свет сочинение австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга: «Финансовый капитал» (русский перевод: Москва, 1912). Несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и на известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, это сочинение представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма» – так гласит подзаголовок книги Гильфердинга. В сущности, то, что говорилось за последние годы об империализме – особенно в громадном количестве журнальных и газетных статей на эту тему, а также в резолюциях, например, Хемницкого и Базельского конгрессов, состоявшихся осенью 1912 года, – едва ли выходило из круга идей, изложенных или, вернее, подытоженных у обоих названных авторов...

В дальнейшем мы попытаемся кратко изложить, в возможно более популярной форме, связь и взаимоотношение *основных* экономических особенностей империализма. На неэкономической стороне дела остановиться, как она бы [с.12] этого заслуживала, нам не придется. Ссылки на литературу и другие примечания, способные интересовать не всех читателей, мы отнесем в конец брошюры. [...]

* Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк). М.: Изд-во политической литературы, 1988. В тексте в квадратных скобках приведена нумерация страниц по оригиналу. Авторские сноски не приводятся.

VII. Империализм, как особая стадия капитализма

[с.77] Мы должны теперь попытаться подвести известные итоги, свести вместе сказанное выше об империализме. Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. [с.78] Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца.

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних

связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.

Мы увидим еще ниже, как можно и должно иначе определить империализм, если иметь в виду не только основные чисто экономические понятия (которыми ограничивается приведенное определение), а историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще или отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении. Сейчас же надо отметить, [с.79] что, понимаемый в указанном смысле, империализм представляет из себя, несомненно, особую стадию развития капитализма. Чтобы дать читателю возможно более обоснованное представление об империализме, мы намеренно старались приводить как можно больше отзывов буржуазных экономистов, вынужденных признавать особенно бесспорно установленные факты новейшей экономики капитализма. С той же целью приводились подробные статистические данные, позволяющие видеть, до какой именно степени вырос банковый капитал и т.д., в чем именно выразился переход количества в качество, переход развитого капитализма в империализм. Нечего и говорить, конечно, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, например, о том, к какому году или десятилетию относится «окончательное» установление империализма. [...]

ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА

1. Что понимает В.И. Ленин под «империализмом»? О каком историческом периоде идет речь?
2. Сформулируйте основные признаки империализма. Обратите внимание, что признаки определяют специфические особенности нового периода. Постарайтесь выделить главные отличительные черты новой эпохи в формулировке каждого из признаков.

I. Концентрация производства и монополии

[с.12] Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма. Самые полные и самые точные данные об этом процессе дают современные промышленные переписи.

В Германии, например, из каждой тысячи промышленных предприятий было крупных, т.е. имеющих свыше 50 наемных рабочих, в 1882 г. – 3; в 1895 г. – 6 и 1907 г. – 9. На их долю приходилось из каждой сотни рабочих: 22, 30 и 37. Но концентрация производства гораздо сильнее, чем концентрация рабочих, потому что труд в крупных заведениях гораздо производительнее. На это указывают данные о паровых машинах и об электрических двигателях. Если взять то, что в Германии называют промышленностью в широком смысле, т.е. включая и торговлю, и пути сообщения и т.п., то получим следующую картину. Крупных заведений 30 588 из 3 26523, т.е. всего 0,9%. У них рабочих – 5,7 миллионов из 14,4 млн., т.е. 39,4%; паровых лошадиных сил – 6,6 млн. из 8,8, т.е. 75,3%; электрических – 1,2 млн. киловатт из 1,5 млн., т.е. 77,2%.

Менее чем одна сотая доля предприятий имеет *более 3/4* общего количества паровой и электрической силы! [...]

[с.13] В другой передовой стране современного капитализма, в Соединенных Штатах Северной Америки, рост концентрации производства еще сильнее. Здесь статистика выделяет промышленность в узком смысле слова и группирует заведения по величине стоимости годового продукта. В 1904 году крупнейших предприятий, с производством в 1 миллион долларов и свыше, было 1 900 (из 216 180, т.е. 0,9%) – у них 1,4 млн. рабочих (из 5,5 млн., т.е. 25,6%) и 5,6 миллиардов производства (из 14,8 млрд., т.е. 38%). Через 5 лет, в 1909 г. соответственные цифры: 3 060 предприятий (из 268 491; – 1,1%) с 2,0 млн. рабочих (из 6,6; – 30,5%) и с 9,0 миллиардами производства (из 20,7 миллиардов; – 43,8%).

Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках *одной со- той доли* общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов охватывают 258 отраслей промышленности. Отсюда ясно, что концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собою, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий. Это превращение конкуренции в монополию представляет из себя одно из важнейших явлений – если не важнейшее – в экономике новейшего капитализма, и нам необходимо подробнее остановиться на нем. Но сначала мы должны устранить одно возможное недоразумение.

Американская статистика говорит: 3 000 гигантских предприятий в 250 отраслях промышленности. Как будто бы всего по 12 предприятий крупнейшего размера на каждую отрасль.

Но это не так. Не в каждой отрасли промышленности есть большие предприятия; а с другой стороны, крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая *комбинация*, т.е. соединение в одном предприятии разных отраслей [с.14] промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например, выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), – либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например, обработка отбросов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т.п.).

«Комбинация, – пишет Гильфердинг, – уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большее постоянство нормы прибыли. Во-2-х, комбинация приводит к устранению торговли. В-3-х, она делает возможными технические усовершенствования, а, следовательно, и получение дополнительной прибыли по сравнению с «чистыми» (т.е. не комбинированными) предприятиями. В-4-х, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с «чистым», – усиливает его в конкурентной борьбе во время сильной депрессии (заминки в делах, кризиса), когда понижение цен сырья отстает от понижения цены фабрикатов». [...]

[с.16] Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казенная наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинения Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной степени своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом. Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут». Но факты – упрямая вещь, как говорит английская пословица, и с ними волей-неволей приходится считаться. Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, например, в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма.

Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно – начало XX века. В одной из новейших сводных работ по истории «образования монополий» мы читаем:

«Можно привести из эпохи до 1860 г. отдельные примеры капиталистических монополий; можно открыть в них зародыши тех форм, которые столь обычны теперь; но все это безусловно – доисторические времена для картелей. Настоящее начало современных монополий относится, самое раннее, к 1860 годам. Первый крупный период развития монополий начинается с международного угнетения промышленности 1870 годов и простирается до начала 1890 годов». «Если рассматривать дело в европейском масштабе, то предельным пунктом развития свободной конкуренции являются 60-ые и 70-ые годы. Тогда Англия [с.17] закончила постройку своей капиталистической организации старого стиля. В Германии эта организация вступила в решительную борьбу с ремеслом и домашней промышленностью и начала создавать себе свои формы существования».

«Большой переворот начинается с краха 1873 года или, вернее, с депрессии, которая последовала за ним и которая – с едва заметным перерывом в начале 80-х годов и с необыкновенно сильным, но коротким подъемом около 1889 года – заполняет 22 года европейской экономической истории». «Во время короткого периода подъема

1889-1890 гг. картелями сильно пользовались для использования конъюнктуры. Необдуманная политика поднимала вверх цены еще быстрее и еще сильнее, чем это произошло бы без картелей, и почти все эти картели погибли бесславно «в могиле краха». Прошло еще пять лет плохих дел и низких цен, но в промышленности царило уже не прежнее настроение. Депрессию не считали уже чем-то само собою разумеющимся, в ней видели лишь паузу перед новой благоприятной конъюнктурой.

И вот картельное движение вступило в свою вторую эпоху. Вместо преходящего явления картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Они завоевывают одну область промышленности за другой и в первую голову обработку сырых материалов. Уже в начале 1890 годов картели выработали себе в организации коксового синдиката, по образцу которого создан угольный синдикат, такую картельную технику, дальше которой движение, в сущности, не пошло. Большой подъем в конце XIX века и кризис 1900-1903 годов стоят – по крайней мере в горной и железной промышленности – впервые всецело под знаком картелей. И если тогда это казалось еще чем-то новым, то теперь для широкого общественного сознания стало само собою разумеющейся истиной, что крупные части хозяйственной жизни изъяты, как общее правило, из свободной конкуренции».

[с.18] Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860 и 1870 годы – высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900-1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм.

Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собой области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т.д. [...]

В руках картелей и трестов сосредоточивается нередко семь-восемь десятых всего производства данной отрасли промышленности. Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат при своем основании в 1893 году концентрировал [с.19] 86,7% всего производства угля в районе, а в 1910 году уже 95,4%. [...]

Отчет американской правительственной комиссии о трестах говорит: «Их превосходство над конкурентами основывается на крупных размерах их предприятий и на их превосходно поставленной технике. Табачный трест с самого своего основания прилагал все усилия к тому, чтобы в широких размерах заменять ручной труд машинным повсюду. [...]

[с.20] Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности, обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований.

Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, который «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы. Монополизируются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры, захватываются пути и средства сообщения – железные дороги в Америке, пароходные общества в Европе и в Америке. Капитализм в его империалистской стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению.

Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее.

Немецкий экономист Кестнер посвятил особое сочинение «борьбе между картелями и посторонними», т.е. не входящими в картель предпринимателями. Он назвал это сочинение: «Принуждение к организации», тогда как надо было бы говорить, конечно, чтобы не прикрашивать капитализма, о принуждении к подчинению союзам мо-

нополистов. Поучительно взглянуть просто хотя бы на перечень [с.22] тех средств современной, новейшей, цивилизованной, борьбы за «организацию», к которым прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов («один из важнейших приемов для принуждения к вступлению в картель»); 2) лишение рабочих рук посредством «альянсов» (т.е. договоров капиталистов с рабочими союзами о том, чтобы последние принимали работу только на картелированных предприятиях); 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен (для разорения «посторонних», т.е. предприятий, не подчиняющихся монополистам, расходуются миллионы на то, чтобы известное время продавать ниже себестоимости: в бензинной промышленности бывали примеры понижения цен с 40 до 22-х марок, т.е. почти вдвое!); 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота.

Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами – удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу. [...]

В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу спекулянтам. Мы увидим ниже, как «на этом основании» мещански-реакционная критика капиталистического империализма мечтает о возвращении *назад*, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции. [...]

[с.24] Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в *некоторых* отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную *всему* капиталистическому производству в целом. Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так называемая *тяжелая* индустрия, особенно уголь и железо, приводит в

остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности», как признается Ейдэльс, автор одной из лучших работ об «отношении немецких крупных банков к промышленности». [...]

[с.25] А кризисы – всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические – в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии. Вот чрезвычайно поучительное рассуждение Ейдэльса о значении кризиса 1900 года, кризиса, сыгравшего, как мы знаем, роль поворотного пункта в истории новейших монополий:

«Кризис 1900 года застал наряду с гигантскими предприятиями в главных отраслях промышленности еще много предприятий с организацией, по теперешним понятиям, устарелую, «чистые» предприятия» (т.е. не комбинированные), «поднявшиеся вверх на гребне волны промышленного подъема. Падение цен, понижение спроса привели эти «чистые» предприятия в такое бедственное положение, которое либо вовсе не коснулось комбинированных гигантских предприятий, либо затронуло их на совсем короткое время. Вследствие этого кризис 1900 года в несравненно большей степени привел к промышленной концентрации, чем кризис 1873 года: этот последний создал тоже известный отбор лучших предприятий, но при тогдашнем уровне техники этот отбор не мог привести к монополии предприятий, сумевших победоносно выйти из кризиса. Именно такой длительной монополией, и притом в высокой степени, обладают гигантские предприятия теперешней железодельательной и электрической промышленности благодаря их очень сложной технике, их далеко проведенной организации, мощи их капитала, а затем в меньшей степени и предприятия машиностроительной, известных отраслей металлургической промышленности, путей сообщения и пр.»

Монополия – вот последнее слово «новейшей фазы в развитии капитализма». Но наши представления о действительной силе и значении современных монополий были бы крайне недостаточны, неполны, преуменьшены, если бы мы не приняли во внимание роли банков.

ВТОРАЯ ОСТАНОВКА

1. Начните анализ этой части текста с формулировки первого признака империализма. На каких словах в ней следует сделать акцент?
2. Почему, с точки зрения автора, «концентрация производства гораздо сильнее, чем концентрация рабочих»? Какие процессы лежат в основе концентрации? Какое значение для политического анализа имеет данное заключение?
3. Можно ли сказать, что анализ В.И. Ленина процессов монополизации отрицает выводы о капитализме свободной конкуренции, представленные классиками марксизма?

4. Как Вы понимаете заключение Р. Гильфердинга о том, что «комбинация уравнивает различия конъюнктуры»? Какое значение имеет этот процесс?
5. Когда, с точки зрения В.И. Ленина, наступает окончательная смена старого капитализма новым? Что этому периоду непосредственно предшествовало?
6. Какова роль монополий в новом капитализме? Что происходит со «свободными предпринимателями»?
7. Что стоит за фразой автора о «всестороннем обобществлении производства»? Как Вы понимаете вывод автора о том, что «производство становится общественным, но присвоение остается частным»? Как Вы думаете, почему этот вывод имеет принципиальное значение для марксистов?
8. Какую роль в процессе монополизации играют, с точки зрения автора, кризисы. Приведите примеры из текста.

II. Банки и их новая роль

[с.26] Основной и первоначальной операцией банков является посредничество в платежах. В связи с этим банки превращают бездействующий денежный капитал в действующий т.е. приносящий прибыль, собирают все и всяческие денежные доходы, предоставляя их в распоряжение класса капиталистов.

По мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всемогущих монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм, и потому на концентрации банковского дела нам надо в первую голову остановиться. [...]

[с.27] Мы подчеркнули указание на «примыкающие» банки, ибо оно относится к одной из самых важных отличительных особенностей новейшей капиталистической концентрации. Крупные предприятия, банки в особенности, не только прямо поглощают мелкие, но и «присоединяют» их к себе, подчиняют их, включают в «свою» группу, в свой «концерн» – как гласит технический термин – посредством «участия» в их капитале, посредством скупки или обмена акций, системы долговых отношений и т.п. и т.д. Профессор Лифман посвятил целый огромный «труд» в полтысячи страниц описанию современных «обществ участия и финансирования» – к сожалению, с добавлением весьма низкопробных «теоретических» рассуждений к часто непереверенному сырому материалу. К какому итогу в смысле концентрации приводит эта система «участий», лучше всего показано в сочинении банковского «деятеля» Риссера о немецких

крупных банках. Но прежде чем переходить к его данным, мы приведем один конкретный пример системы «участий».

«Группа» «Немецкого банка» – одна из самых крупных, если не самая крупная, из всех групп больших банков. Чтобы учесть главные нити, связывающие вместе все банки этой группы, надо различать «участия» первой, второй и третьей степени или, что то же, зависимость (более мелких [с.28] банков от «Немецкого банка») первой, второй и третьей степени. Получается такая картина:

	Зависимость первой степени:	Зависимость второй степени:	Зависимость третьей степени:
«Нем. банк» участвует:	постоянно на неизвестное время от время до времени <i>Всего</i>	в 17 банках; в 5 банках; в 8 банках; в 30 банках;	из них 9 в 34; - из них 5 в 14; из них 14 в 48;
			из них 4 в 7 - из них 2 в 2 из них 6 в 9

В число 8-ми банков «первой степени зависимости», подчиненных «Немецкому банку» «от времени до времени», входит три заграничных банка: один австрийский (венский «Банковый союз» – «Bankverein») и два русских (Сибирский торговый и Русский банк для внешней торговли). Всего в группу «Немецкого банка» входит, прямо и косвенно, целиком и отчасти, 87 банков, а общая сумма капитала, своего и чужого, которым распоряжается группа, определяется в 2-3 миллиарда марок.

Ясно, что банк, стоящий во главе такой группы и входящий в соглашения с полдюжиной других, немного уступающих ему банков, для особенно больших и выгодных финансовых операций, вроде государственных займов, вырос уже из роли «посредника» и превратился в союз горстки монополистов. [...]

[с.29] Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство. Та «децентрализация», о которой говорил в приведенной выше цитате Шульце-Гевеверниц от имени буржуазной политической экономии наших дней, на деле состоит в подчинении единому центру все большего и большего числа бывших ранее сравнительно «самостоятельными» или, вернее, локально (местно)-замкнутыми хозяйственных единиц. На деле, значит, это – *централизация*, усиление роли, значения, мощи монополистических гигантов. [...]

[с.30] Эти простые цифры, пожалуй, нагляднее, чем длинные рассуждения, показывают, как с концентрацией капитала и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение. Из разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист. Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность – через банковские связи, через текущие счета и другие финансовые операции – сначала *точно узнавать* состояние дел у отдельных капиталистов, затем *контролировать* их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и наконец *всецело определять* их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т.п. [...]

[с.32] Платя по 4 и по 4 1/4% по вкладам, сберегательные кассы вынуждены искать «доходного» помещения своим капиталам, пускаться в вексельные, ипотечные и прочие операции. Границы между банками и сберегательными кассами «все более стираются». Торговые палаты, например, в Бохуме, в Эрфурте, требуют «запретить» сберегательным кассам вести «чисто» банковские операции вроде учета векселей, требуют ограничения «банковской» деятельности почтовых учреждений. Банковые тузы как бы боятся, не подкрадывается ли к ним государственная монополия с неожиданной стороны. Но, разумеется, эта боязнь не выходит за пределы конкуренции, так сказать, двух столоначальников в одной канцелярии. Ибо, с одной стороны, миллиардными капиталами сберегательных касс распоряжаются на деле в конце концов *те же* магнаты банковского капитала; а с другой стороны, государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности.

Смена старого капитализма, с господством свободной конкуренции, новым капитализмом, с господством монополии, выражается, между прочим, в падении значения биржи. «Биржа давно перестала быть, – пишет журнал «Банк», – необходимым посредником обращения, каким она была раньше, когда банки не могли еще размещать большей части выпускаемых фондовых ценностей среди своих клиентов». [...]

[с.33] Другими словами: старый капитализм, капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришел новый капитализм, носящий на себе явные черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией. Естественно напрашивается вопрос, к чему «переходит» этот новейший капитализм, но поставить этот вопрос буржуазные ученые боятся. [...]

[с.35] «С ростом концентрации банков суживается тот круг учреждений, к которому вообще можно обратиться за кредитом, в силу чего увеличивается зависимость крупной промышленности от немногих банковских групп. При тесной связи между промышленностью и миром финансистов, свобода движения промышленных обществ, нуждающихся в банковом капитале, оказывается стесненной. Поэтому крупная промышленность смотрит на усиливающееся трестирование (объединение или превращение в тресты) банков со смешанными чувствами; в самом деле, уже неоднократно приходилось наблюдать зачатки известных соглашений между отдельными концернами крупных банков, соглашений, сводящихся к ограничению конкуренции».

Опять и опять последнее слово в развитии банковского дела – монополия.

Что касается до тесной связи между банками и промышленностью, то именно в этой области едва ли не нагляднее всего сказывается новая роль банков. Если банк учитывает векселя данного предпринимателя, открывает для него текущий счет и т.п., то эти операции, взятые в отдельности, ни на йоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции учащаются и упрочиваются, если банк «собирает» в свои руки громадных размеров капиталы, если ведение текущих счетов данного предприятия позволяет банку – а это так и бывает – все детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается все более полная зависимость промышленного капиталиста от банка.

Вместе с этим развивается, так сказать, личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, слияние тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий и обратно. Немецкий экономист Ейдэльс собрал подробнейшие данные об этом виде концентрации капиталов и предприятий. Шесть крупнейших [с.36] берлинских банков были представлены

через своих директоров в 344 промышленных обществах и через своих членов правления еще в 407, итого в 751 обществе. В 289 обществах они имели либо по два члена наблюдательных советов либо места их председателей. Среди этих торгово-промышленных обществ мы встречаем самые разнообразные отрасли промышленности, и страховое дело, и пути сообщения, и рестораны, и театры, и художественную промышленность и пр. С другой стороны, в наблюдательных советах тех же шести банков был (в 1910 г.) 51 крупнейший промышленник, в том числе директор фирмы Крупп, гигантского пароходного общества (Hamburg-Amerika) и т. д. и т. п. Каждый из шести банков с 1895 по 1910 год участвовал в выпуске акций и облигаций для многих сотен промышленных обществ, именно: от 281 до 419.

«Личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством. «Места членов наблюдательных советов, – пишет Ейдэльс, – добровольно предоставляют лицам с громким именами, а также бывшим чиновникам по государственной службе, которые могут доставить не мало облегчений (!) при сношениях с властями: «В наблюдательном совете крупного банка встречаешь обыкновенно члена парламента или члена берлинской городской Думы». [...]

[с.38] Получается, с одной стороны, все большее слияние, или, как выразился удачно Н.И. Бухарин, сращивание банкового и промышленного капиталов, а с другой стороны, перерастание банков в учреждения поистине «универсального характера». Мы считаем необходимым привести точные выражения по этому вопросу Ейдэльса, писателя, лучше всех изучавшего дело:

«Как результат рассмотрения промышленных связей в их совокупности, мы получаем *универсальный характер* финансовых институтов, работающих на промышленность. В противоположность к другим формам банков, в противоположность к выставившимся иногда в литературе требованиям, что банки должны специализироваться на определенной области дел или отрасли промышленности, чтобы не терять почвы под ногами, – крупные банки стремятся сделать свои связи с промышленными предприятиями как можно более разнообразными по месту и роду производства, стараются устранить те неравномерности в распределении капитала между отдельными местностями или отраслями промышленности, которые объясняются из истории отдельных предприятий». «Одна тенденция состоит в том, чтобы сделать связь с промышленностью общим явлением; другая – в том, чтобы сделать ее прочной и интенсивной; обе

осуществлены в шести крупных банках не полностью, но уже в значительных размерах и в одинаковой степени». [...]

[с.39] В сущности, это те же жалобы мелкого капитала на гнет крупного, только в разряд «мелких» попал здесь целый синдикат! Старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой ступени развития. Понятно, что и технический прогресс миллиардные предприятия крупных банков могут двигать вперед средствами, не идущими ни в какое сравнение с прежними. Банки учреждают, например, особые общества технических исследований, результатами которых пользуются, конечно, только «дружественные» промышленные предприятия. Сюда относится «Общество для изучения вопроса об электрических железных дорогах», «Центральное бюро для научно-технических исследований» и т.п.

Сами руководители крупных банков не могут не видеть, что складываются какие-то новые условия народного хозяйства, но они беспомощны перед ними:

«Кто наблюдал в течение последних лет, – пишет Ейдэльс, – смену лиц на должностях директоров и членов наблюдательных советов крупных банков, тот не мог не заметить, как власть переходит постепенно в руки лиц, считающих необходимой и все более насущной задачей крупных банков активное вмешательство в общее развитие промышленности, причем между этими лицами и старыми директорами банков развивается отсюда расхождение на деловой, а часто и на личной почве. Дело идет в сущности о том, не страдают ли банки, как кредитные учреждения, от этого вмешательства банков в промышленный процесс производства, не приносятся ли солидные принципы и верная прибыль в жертву такой деятельности, которая не имеет ничего общего с посредничеством в доставлении кредита и которая заводит банк в такую область, где он еще больше подчинен слепому господству промышленной конъюнктуры, чем прежде. Так говорят многие из старых руководителей банков, а большинство молодых считает [с.40] активное вмешательство в вопросы промышленности такой же необходимостью, как и та, которая вызвала к жизни вместе с современной крупной промышленностью и крупные банки и новейшее промышленное банковское предприятие. Лишь в том согласны между собою обе стороны, что не существует ни твердых принципов, ни конкретной цели для новой деятельности крупных банков».

Старый капитализм отжил. Новый является переходом к чему-то. Найти «твердые принципы и конкретную цель» для «примирения» монополии со свободной конкуренцией, разумеется, дело безнадежное. Признание практиков звучит совсем не так, как казенное воспевание прелестей «организованного» капитализма его апологетами вроде Шульце-Геверница, Лифмана и тому подобными «теоретиками».

К какому именно времени относится окончательное установление «новой деятельности» крупных банков, на этот важный вопрос мы находим довольно точный ответ у Ейдэльса:

«Связи между промышленными предприятиями, с их новым содержанием, новыми формами, новыми органами, именно: крупными банками, организованными одновременно и централистически и децентралистически, образуются как характерное народнохозяйственное явление едва ли раньше 1890 годов; в известном смысле можно даже отодвинуть этот начальный пункт до 1897 года, с его крупными «слияниями» предприятий, вводящими впервые новую форму децентрализованной организации ради соображений промышленной политики банков. Этот начальный пункт можно, пожалуй, отодвинуть еще на более поздний срок, ибо лишь кризис 1900 года гигантски ускорил процесс концентрации и в промышленности и в банковом деле, закрепил этот процесс, впервые превратил сношения с промышленностью в настоящую монополию крупных банков, сделал эти сношения значительно более тесными и интенсивными».

Итак, XX век – вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала.

III. Финансовый капитал и финансовая олигархия

[с.41] «Все возрастающая часть промышленного капитала, – пишет Гильфердинг, – не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковый капитал, – следовательно, капитал в денежной форме, – который таким

способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом». «Финансовый капитал: капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками».

Это определение неполно постольку, поскольку в нем нет указания на один из самых важных моментов, именно: на рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии. Но во всем изложении Гильфердинга вообще, в частности в обеих главах, предшествующих той, из которой взято это определение, подчеркивается роль *капиталистических монополий*.

Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью – вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия.

Нам следует перейти теперь к описанию того, как «хозяйничанье» капиталистических монополий становится неизбежно, в общей обстановке товарного производства и частной собственности, господством финансовой олигархии. [...]

[с.42] Во главу угла следует поставить ту «систему участия», о которой несколько слов сказано уже было выше. Вот как описывает суть дела едва ли не раньше других обративший на нее внимание немецкий экономист Гейман:

«Руководитель контролирует основное общество («общество-мать» буквально); оно в свою очередь господствует над зависимыми от него обществами («обществами-дочерьми»), эти последние – над «обществами-внуками» и т.д. Таким образом можно, владея не слишком большим капиталом, господствовать над гигантскими областями производства. В самом деле, если обладания 50% капитала всегда бывает достаточно для контроля над акционерным обществом, то руководителю надо обладать лишь 1 миллионом, чтобы иметь возможность контролировать 8 миллионов капитала у «обществ-внуков». А если этот «переплет» идет дальше, то с 1 миллионом можно контролировать 16 миллионов, 32 миллиона и т.д.». [...]

[с.43] «Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии. [...]

Но «система участков» не только служит к гигантскому увеличению власти монополистов, она кроме того позволяет безнаказанно обдѣлывать какие угодно темные и грязные дела и обирать публику, ибо руководители «общества-матери» формально, но закону, не отвечают за «общество-дочь», которое считается «самостоятельным» и *через* которое можно *все* «провести». [...]

[с.47] Финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией, берет громадную и все возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и т.п., закрепляя господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам. Вот – один из бесчисленных примеров «хозяйничанья» американских трестов, приводимый Гильфердингом: в 1887 году Гавемейер основал сахарный трест посредством слияния 15-ти мелких компаний, общий капитал которых равнялся 6 1/2 млн. долларов. Капитал же треста был, по американскому выражению, «разведен водой», определен в 50 миллионов долларов. «Перекапитализация» учитывала будущие монопольные прибыли, как стальной трест в той же Америке учитывает будущие монопольные прибыли, скупая все больше железорудных земель. И действительно, сахарный трест установил монопольные цены и получил такие доходы, что мог уплачивать по 10% дивиденда на капитал, *в семь раз* «разведенный водой», т.е. *почти 70% на капитал, действительно внесенный при основании треста!* В 1909 г. капитал треста составлял 90 млн. долларов. За двадцать два года более чем удесятерение капитала. [...]

[с.48] Исключительно высокая прибыльность выпуска ценных бумаг, как одной из главных операций финансового капитала, играет очень важную роль в развитии и упрочении финансовой олигархии. [...]

[с.49] Особенно прибыльной операцией финансового капитала является также спекуляция земельными участками в окрестностях быстро растущих больших городов. Монополия банков сливается здесь с монополией земельной ренты и с монополией путей сообщения, ибо рост цен на земельные участки, возможность выгодно продать их по частям и т.д. зависит больше всего от хороших путей сообщения с центром города, а эти пути сообщения находятся в руках крупных компаний, связанных системой участков и распределением директорских мест с теми же банками. [...]

[с.52] Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой «мощью», из всех остальных. В каких размерах идет этот процесс, об этом можно судить по данным статистики эмиссии, т.е. выпуска всякого рода ценных бумаг. [...]

[с.53] В 1870 годах общая сумма эмиссии во всем мире повышена в особенности займами в связи с франко-прусской войной и последовавшей эпохой грюндерства в Германии. В общем и целом, увеличение идет в течение трех последних десятилетий XIX века сравнительно не очень быстро, и только первое десятилетие XX века дает громадное увеличение, почти удвоение за 10 лет. Начало XX века, следовательно, является эпохой перелома не только в отношении роста монополий (картелей, синдикатов, трестов), о чем мы уже говорили, но и в отношении роста финансового капитала.

Общую сумму ценных бумаг в мире в 1910 г. Неймарк определяет приблизительно в 815 миллиардов франков. Вычитывая, приблизительно, повторения, он уменьшает эту сумму до 575-600 миллиардов. Вот распределение по странам (берем 600 млрд.):

Сумма ценных бумаг в 1910 г. (миллиарды франков):

Англия	142	} 479	Голландия	12,5
Соед. Штаты	132		Бельгия	7,5
Франция	110		Испания	7,5
Германия	95		Швейцария	6,25
Россия	31		Дания	3,75
Австро-Вен- грия	24		Швеция, Норвегия, Румы- ния и пр.	2,5
Италия	14			
Япония	12			
			<hr/>	<i>Всего</i> 600

По этим данным сразу видно, как резко выделяются четыре наиболее богатые капиталистические страны, владеющие приблизительно от 100 до 150 миллиардов

франков ценных бумаг. Из этих четырех стран две – самые старые и, как увидим, наиболее богатые колониями капиталистические страны: Англия и Франция; другие две – передовые [с.54] капиталистические страны по скорости развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве – Соединенные Штаты и Германия. Вместе эти 4 страны имеют 479 миллиардов франков, т.е. почти 80% всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир, так или иначе, играет роль должника и данника этих стран – международных банкиров, этих четырех «столпов» всемирного финансового капитала.

Особенно следует остановиться на той роли, которую играет в создании международной сети зависимостей и связей финансового капитала вывоз капитала.

ТРЕТЬЯ ОСТАНОВКА

1. В чем состояла традиционная роль банков до эпохи империализма?
2. Можно ли говорить о процессе монополизации банков? Если да, то в чем состоит его специфика, и чем этот процесс обусловлен?
3. Как изменяется роль банков в период империализма? Воспроизведите логику автора, приведенную в тексте.
4. Как в «тесной связи между банками и промышленностью» проявляется новая роль банков?
5. Кому принадлежит фраза «сращивание банковского и промышленного капиталов»?
6. Как Вы понимаете смысл фразы ««личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством»?
7. Находит ли подтверждение в этом параграфе текста ранее высказанные мысли о времени перехода к империализму?
8. Поясните, каким образом эти новые тенденции в деятельности банков нашли отражение в формулировке второго принципа империализма?
9. Что такое «финансовый капитал»?
10. В чем автор усматривает смысл «системы участия», «учредительства», «выпуска фондовых бумаг» и других финансовых институтов?
11. Какое значение для марксистского анализа международных отношений имеет тема «стран-банкиров»?

IV. Вывоз капитала

[с.54] Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз *товаров*. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала*.

Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Рост обмена как внутри страны, так и в особенно-

сти международного есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. Сначала Англия стала, раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее, в обмен, сырыми материалами. Но *эта* монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма; во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. Возник громадный «избыток капитала» в передовых странах.

Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный [с.55] технический прогресс, полуголодным и нищенским, – тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы. Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т.д. Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел», и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения.

Вот приблизительные данные о размерах капитала, вложенного за границей тремя главными странами:

Капитал, помещенный за границей

(в миллиардах франков)

Годы	Англией	Францией	Германией
1862	3,6	-	-
1872	15	10 (1869)	-
1882	22	15 (1880)	?
1893	42	20 (1890)	?
1902	62	27-37	12,5
1914	75-100	60	44

[с.56] Мы видим отсюда, что гигантского развития вывоз капитала достиг только в начале XX века. Перед войной вложенный за границей капитал трех главных стран достигал 175-200 миллиардов франков. Доход с этой суммы, по скромной норме в 5%, должен достигать 8-10 миллиардов франков в год. Солидная основа империалистского угнетения и эксплуатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств! [...]

В Англии на первое место выдвигаются ее колониальные владения, которые очень велики и в Америке (например, Канада), не говоря уже об Азии и пр. Гигантский вывоз капитала теснее всего связан здесь с гигантскими колониями, о значении которых для империализма мы еще будем говорить дальше. Иное дело во Франции. Здесь заграничный капитал помещен главным образом в Европе и прежде всего в России (не менее 10 миллиардов франков), причем преимущественно это – *ссудный* капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия. В отличие от английского, колониального, империализма, французский можно назвать ростовщическим империализмом. В Германии – третья разновидность: колонии ее невелики, и распределение [с.57] помещаемого ею за границей капитала наиболее равномерное между Европой и Америкой.

Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это

может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире. [...]

Финансовый капитал создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополистические начала: использование «связей» для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке. Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д. Франция в течение двух последних десятилетий (1890-1910) очень часто прибегала к этому средству. Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу. [...]

[с.58] Таким образом финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения. [...]

[с.59] Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собою, в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привел и к *прямому* разделу мира.

ЧЕТВЕРТАЯ ОСТАНОВКА

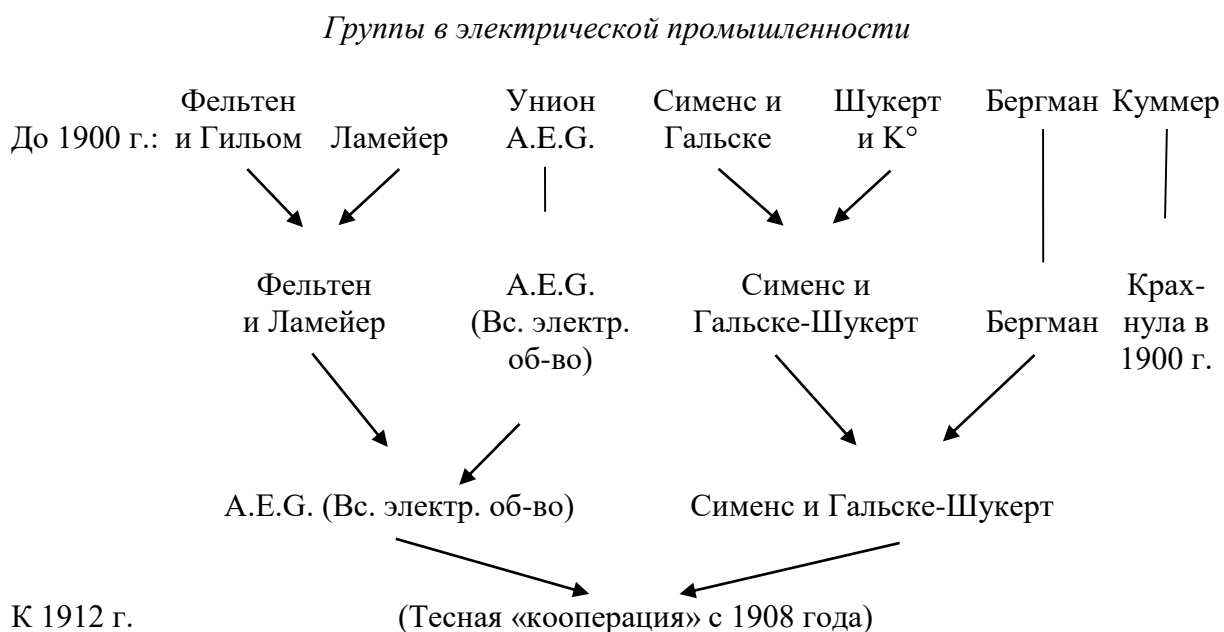
1. Каким образом связаны понятия «сверхнакопление капитала» («избыток капитала», ленинским языком) и «вывоз капитала»? Что подразумевает «вывоз капитала»?
2. Подумайте, каким образом первые два признака логически связаны с третьим, постулирующим преимущественный вывоз капитала в эпоху империализма? Приведите ссылки на текст работы.
3. Возможно ли, с точки зрения В.И. Ленина, избежать накопления «избытка капитала»? Какие аргументы приводит автор?
4. Каким образом вывоз капитала способствует становлению и развитию международной системы?

V. Раздел мира между союзами капиталистов

[с.59] Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты, делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей.

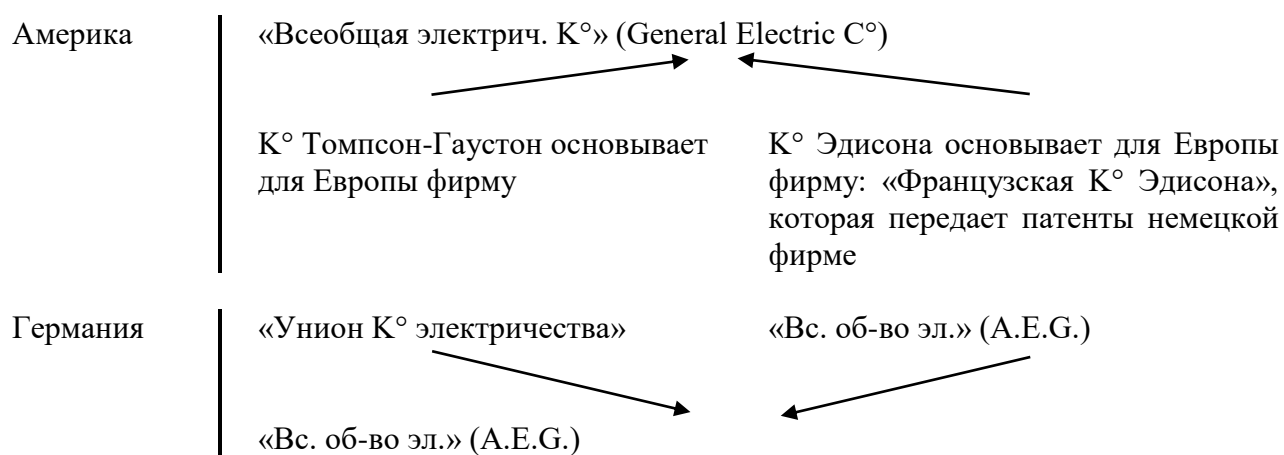
Это – новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие. Посмотрим, как вырастает эта сверхмонополия. [...]

В результате концентрация после 1900 года пошла вперед гигантскими шагами. До 1900 года было восемь или семь «групп» в электрической промышленности, причем каждая состояла из нескольких обществ (всего их было 28) и за каждой стояло от 2 до 11 банков. К 1908-1912 гг. все [с.60] эти группы слились в две или одну. Вот как шел этот процесс:

Знаменитое А.Е.Г. (Всеобщее общество электричества), выросшее таким образом, господствует над 175-200 обществ (по системе «участий») и распоряжается общей суммой капитала приблизительно в 1 1/2 миллиарда марок. Одних только прямых заграничных представительств оно имеет 34, из них 12 акционерных обществ, – более чем в 10 государствах. Еще в 1904 г. считали, что капиталы, вложенные немецкой электрической промышленностью за границей, составляли 233 миллиона марок, из них 62 млн. в России. Нечего и говорить, что «Всеобщее общество электричества» представляет из себя гигантское «комбинированное» предприятие с производством – число одних только фабрикации обществ у него равняется 16 самых различных продуктов, от кабелей и изоляторов до автомобилей и летательных аппаратов.

Но концентрация в Европе была также составной частью процесса концентрации в Америке. Вот как шло дело:

Таким образом сложились *две* электрические «державы»: других, *вполне* независимых от них, электрических [с.61] обществ на земле нет», – пишет Гейниг в своей статье: «Путь электрического треста». [...]

И вот в 1907 году между американским и германским трестом заключен договор о дележе мира. Конкуренция устраняется. Вс. эл. К° (G.E.C.) «получает» Соединенные Штаты и Канаду; «Вс. об-ву эл.» (A.E.G.) «достаётся» Германия, Австрия, Россия, Голландия, Дания, Швейцария, Турция, Балканы. Особые – разумеется, тайные – договоры заключены относительно «обществ-дочерей», проникающих в новые отрасли промышленности и в «новые», формально еще не поделенные, страны. Установлен взаимный обмен изобретениями и опытами.

Понятно само собою, насколько затруднена конкуренция против этого, фактически единого, всемирного треста, который распоряжается капиталом в несколько миллиардов и имеет свои «отделения», представительства, агентуры, связи и т.д. во всех концах мира. Но раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает *пердела*, если отношения силы – вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т.п. – изменяются.

Поучительный пример попытки такого пердела, борьбы за пердел, представляет керосиновая промышленность. [...]

[с.64] В торговом судоходстве гигантский рост концентрации привел тоже к разделу мира. [...]

Чрезвычайно поучительна также история образования международного рельсового картеля. [...]

[с.65] Упомянем еще международный цинковый синдикат, основанный в 1909 году и точно распределивший размеры производства между пятью группами заводов:

немецких, бельгийских, французских, испанских, английских; – затем пороховой международный трест, этот, по словам Лифмана, «вполне современный тесный союз между всеми немецкими фабриками взрывчатых веществ, которые затем вместе с аналогично организованными французскими и американскими динамитными фабриками поделили между собою, так сказать, весь мир». [...]

Некоторые буржуазные писатели (к которым присоединился теперь и К. Каутский, совершенно изменивший своей марксистской позиции, например, 1909 года) выражали то мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме. Это мнение теоретически совершенно вздорно, а практически есть софизм и способ нечестной защиты худшего оппортунизма. Международные картели показывают, до какой степени выросли теперь капиталистические монополии и *из-за чего* идет борьба между союзами капиталистов. Это последнее обстоятельство есть самое важное; только оно выясняет нам историко-экономический [с.66] смысл происходящего, ибо *форма* борьбы может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин, но *сущность* борьбы, ее классовое *содержание* прямо-таки *не может* измениться, пока существуют классы. Понятно, что в интересах, например, немецкой буржуазии, к которой по сути дела перешел в своих теоретических рассуждениях Каутский (об этом речь пойдет еще ниже), затушевывать *содержание* современной экономической борьбы (раздел мира) и подчеркивать то одну, то другую *форму* этой борьбы. Ту же ошибку делает Каутский. И речь идет, конечно, не о немецкой, а о всемирной буржуазии. Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая степень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» – иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это – изменения «чисто» экономические или *внеэкономические* (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма. Подменять вопрос о *содержании* борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о *форме* борьбы и сделок

(сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной) значит опускаться до роли софиста.

Эпоха новейшего капитализма показывает нам, между союзами капиталистов складываются известные сношения *на почве* экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию».

ПЯТАЯ ОСТАНОВКА

1. Начните анализ данной части текста с формулировки четвертого признака империализма. О каком принципе «раздела мира» он говорит?
2. Есть ли логическая связь четвертого признака с предыдущими? Если да, то в чем она состоит?
3. Считает ли В.И. Ленин процесс «раздела мира» закономерным? Вы согласны?
4. В чем состоит сущность полемики относительно надежд на сохранение мира в эпоху интернационализации капитала? Каковы аргументы В.И. Ленина? На чьей Вы стороне?

VI. Раздел мира между великими державами

Географ А. Супан в своей книге о «территориальном развитии европейских колоний» подводит следующий краткий итог этому развитию в конце XIX века [с.67]:

Процент земельной площади, принадлежащей европейским колониальным державам (С. Штаты в том числе):

	1876	1900	Увеличение на
В Африке	10,8%	90,4%	+79,6%
»Полинезии	56,8%	98,9%	+42,1%
» Азии	51,5%	56,6%	+5,1%
»Австралии	100,0%	100,0%	-
»Америке	27,5%	27,2%	-0,3%

«Характеристичной чертой этого периода, – заключает он, – является, следовательно, раздел Африки и Полинезии». Так как в Азии и в Америке незанятых земель, т.е. не принадлежащих никакому государству, нет, то вывод Супана приходится расширить и сказать, что характеристичной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был *пердел*, – напротив, переделы возможны и неизбежны, – а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран *закончила* захват незанятых земель на нашей

планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоит *лишь* переделы, т.е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйности к «хозяину».

Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом. Необходимо поэтому подробнее остановиться прежде всего на фактических данных, чтобы возможно точнее выяснить как отличие этой эпохи от предыдущих, так и положение дела в настоящее время. В первую голову возникают здесь два фактических вопроса: наблюдается ли усиление колониальной политики, обострение борьбы за колонии именно в эпоху финансового капитала и как именно поделен мир в этом отношении в настоящее время. [...]

[с.68] Для Англии период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860-1880 годы и очень значительного на последнее двадцатилетие XIX века. Для Франции и Германии – именно на это двадцатилетие. Мы видели выше, что период предельного развития капитализма домонополистического, капитализма с преобладанием свободной конкуренции, приходится на 1860 и 1870 годы. Мы видим теперь, что *именно после этого периода* начинается громадный «подъем» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира. Несомненно, следовательно, тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу *связан с* обострением борьбы за раздел мира. [...]

В эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840-1860 годах, руководящие буржуазные политики ее были *против* колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом. М. Бер указывает в своей, появившейся в 1898 г., статье о «новейшем английском империализме», как в 1852 году такой склонный, [с.69] вообще говоря, к империализму государственный деятель Англии, как Дизраэли, говорил: «Колонии, это – мельничные жернова на нашей шее». А в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедовавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом! [...]

Спасение в монополии – говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасение в монополии – вторили политические вожди буржуазии, торопясь

захватить еще неподделенные части мира. А Сесиль Родс, как рассказывал его интимный друг, журналист Стэд, говорил ему по поводу своих империалистских идей в 1895 году: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». [...]

[с.71] Мы видим тут наглядно, как «закончен» был на границе XIX и XX веков раздел мира. Колониальные владения расширились после 1876 года в гигантских размерах: более чем в полтора раза, с 40 до 65 миллионов кв. км у шести крупнейших держав; прирост составляет 25 млн. кв. км, в полтора раза больше площади метрополий (16 1/2 млн.). Три державы не имели в 1876 г. никаких колоний, а четвертая, Франция, почти не имела их. К 1914 году эти четыре державы приобрели колонии площадью в 14,1 млн. кв. км, т.е. приблизительно раза в полтора больше площади Европы, с населением почти в 100 миллионов. [...]

Рядом с колониальными владениями великих держав мы поставили небольшие колонии маленьких государств, являющиеся, так сказать, ближайшим объектом возможного и вероятного «передела» колоний. Большей частью эти маленькие государства сохраняют свои колонии только благодаря тому, что между крупными есть противоположности интересов, трения и пр., мешающие соглашению о дележе добычи. Что касается до «полуколониальных» государств, то они дают пример тех переходных форм, которые [с.72] встречаются во всех областях природы и общества. Финансовый капитал – такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью; мы увидим сейчас примеры тому. Но, разумеется, наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу *такое* подчинение, которое связано с

потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами. Полуколонизальные страны типичны, как «середина» в этом отношении. Понятно, что борьба из-за этих полузависимых стран особенно должна была обостриться в эпоху финансового капитала, когда остальной мир уже был поделен. [...]

Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т.п. Владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником – вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защититься законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, [с.73] чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний. [...]

Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны [с.74] завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. [...] Отсюда – неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще. Как тресты капитализируют свое имущество по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных. [...]

Интересы вывоза капитала равным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие «связи» и пр.

Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства», справедливо говорит Гильфердинг. [...]

[с.75] Раз идет речь о колониальной политике эпохи капиталистического империализма, необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости. Одну из форм – полукolonии – мы уже указали раньше. Образцом другой является, например, Аргентина. [...]

[с.76] Сошлемся на историка Дрио, который в своей книге: «Политические и социальные проблемы в конце XIX века» в главе о «великих державах и разделе мира» писал следующее: «... приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рискуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплуатации земли, которая будет одним из существеннейших фактов следующего (т.е. XX) века. Вот почему вся Европа и Америка были охвачены в последнее время лихорадкой колониальных расширений, «империализма», который является самой замечательной [с.77] характерной чертой конца XIX века». И автор добавлял: «При этом разделе мира, в этой бешеной погоне за сокровищами и крупными рынками земли, сравнительная сила империй, основанных в этом, XIX, веке, находится в полном несоответствии с тем местом, которое занимают в Европе нации, основавшие их. Державы, преобладающие в Европе, вершительницы ее судеб, не являются равным образом преобладающими во всем мире. А так как колониальное могущество, надежда обладать богатствами, еще не учтенными, окажет очевидно свое отраженное действие на сравнительную силу европейских держав, то в силу этого колониальный вопрос – «империализм», если хотите, – изменивший уже политические условия самой Европы, будет изменять их все более и более».

ШЕСТАЯ ОСТАНОВКА

1. Начните анализ данной части текста с формулировки пятого признака. О каком «разделе» речь идет в этом случае? В чем отличие от четвертого признака? В чем смысл формулировки «окончательный раздел земли»?
2. Когда хронологически наблюдается подъем колониальных захватов? С чем это связано?
3. Почему В.И. Ленин считает, что с наступлением эпохи империализма борьба за раздел колоний усиливается? Вы согласны?
4. В чем заключаются ключевые аргументы сторонников колониализма? Оцените эти аргументы.

VIII. Паразитизм и загнивание капитализма

[с.87] Нам следует остановиться теперь еще на одной очень важной стороне империализма, которая большей частью недостаточно оценивается в большинстве рассуждений на эту тему. Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал тут шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму.

Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это монополия капиталистическая, т.е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс. Пример: в Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сукно, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить [с.88] прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но *тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает

в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх.

Монополия обладания особенно обширными, богатыми или удобно расположенными колониями действует в том же направлении.

Далее. Империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100-150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда – необычайный рост класса или, вернее, слоя рантье, т.е. лиц, живущих «стрижкой купонов», – лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, – лиц, профессией которых является праздность. Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний. [...]

Доход рантье *впятеро* превышает доход от внешней [с.89] торговли в самой «торговой» стране мира! Вот сущность империализма и империалистического паразитизма.

Понятие: «государство-рантье» (Rentnerstaat), или государство-ростовщик, становится поэтому общеупотребительным в экономической литературе об империализме. Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников. «Среди помещений капитала за границей, – пишет Шульце-Геверниц, – на первом месте стоят такие, которые падают на страны, политически зависимые или союзные: Англия дает займы Египту, Японии, Китаю, Южной Америке. Ее военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. Политическая сила Англии оберегает ее от возмущения должников». Сарториус фон Вальтерсхаузен в своем сочинении «Народнохозяйственная система помещения капитала за границей» выставляет образцом «государства-рантье» Голландию и указывает, что таковыми становятся теперь Англия и Франция. Шильдер считает, что пять промышленных государств являются «определенно выраженными странами-кредиторами»: Англия, Франция, Германия, Бельгия и Швейцария. Голландию он не относит сюда только потому, что она «мало индустриальна». Соединенные Штаты являются кредитором лишь по отношению к Америке.

«Англия, – пишет Шульце-Геверниц, – перерастает постепенно из промышленного государства в государство-кредитора. Несмотря на абсолютное увеличение промышленного производства и промышленного вывоза, возрастает относительное значение для всего народного хозяйства доходов от процентов и дивидендов, от эмиссий, комиссий и спекуляций. По моему мнению, именно этот факт является экономической основой империалистического подъема. Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем». Относительно Германии издатель берлинского журнала «Банк» А. Лансбург писал в 1911 г. в статье: «Германия – государство-рантье» следующее: «В Германии охотно посмеиваются над склонностью к превращению в рантье, наблюдаемой во Франции. Но при этом забывают, что, поскольку дело касается [с.90] буржуазии, германские условия все более становятся похожими на французские». [...]

[с.94] Необходимо отметить, что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временное загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века. Ибо две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке. Маркс и Энгельс систематически, в течение ряда десятилетий, прослеживали эту связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями английского капитализма. Энгельс писал, например, Марксу 7 октября 1858 года: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». Почти четверть века спустя, в письме от 11 августа 1881 г. он говорит о «худших английских тред-юнионах, которые позволяют руководить собою людям, купленным буржуазией или по крайней мере [с.95] оплачиваемым ею». А в письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониаль-

ной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке». (То же самое изложено Энгельсом для печати в предисловии ко 2-му изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892 г.) [...]

Х. Историческое место империализма

Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу. Надо отметить в особенности четыре главных вида монополий или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи.

Во-первых, монополия выросла из концентрации производства на очень высокой степени ее развития. Это – монополистские союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты. Мы видели, какую громадную роль они играют в современной хозяйственной жизни. К началу XX века они получили полное преобладание в передовых странах и если первые шаги по пути картелирования были раньше пройдены странами с высоким охранительным тарифом (Германия, Америка), то Англия с ее системой свободной торговли показала лишь немногим позже тот же основной факт: рождение монополий из концентрации производства.

Во-вторых, монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной, и наиболее картелированной, промышленности капиталистического общества: каменноугольной и железодельной. Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картелированной и некартелированной промышленностью.

В-третьих, монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов [с.109] финансового капитала. Каких-нибудь три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия,

налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества, – вот рельефнейшее проявление этой монополии.

В-четвертых, монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» – т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр. – наконец за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, например, своими колониями одну десятую долю Африки, как это было еще в 1876 году, тогда колониальная политика могла развиваться немонополистически по типу, так сказать, «свободно-захватного» занятия земель. Но когда 9/10 Африки оказались захваченными (к 1900 году), когда весь мир оказался поделенным, – наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира.

Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и на гнет картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала.

Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций – все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет все более вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию [с.110] исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, рас-

тет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия). [...]

Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т.п. дает им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создается связь империализма с оппортунизмом, которая сказалась раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты [с.111] развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах. [...]

Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм. Чрезвычайно поучительно в этом отношении, что ходячими словечками буржуазных экономистов, описывающих новейший капитализм, являются: «переплетение», «отсутствие изолированности» и т.п.; банки суть «предприятия, которые по своим задачам и по своему развитию не носят чисто частнохозяйственного характера, а все более вырастают из сферы чисто частнохозяйственного регулирования». [...]

Что же выражает это словечко «переплетение»? Оно схватывает лишь наиболее бросающуюся в глаза черточку происходящего у нас перед глазами процесса. Оно показывает, что наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса. Оно рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое. Оно изобличает в наблюдателе человека, который подавлен сырым материалом и совершенно не разбирается и его смысле и значении. «Случайно переплетаются» владения акциями, отношения частных собственников. Но то, [с.112] что лежит в подкладке этого переплетения, – то, что составляет основу его, есть изменяющиеся общественные отношения производства. Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах 2/3 или 3/4 всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отде-

ленные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»); – тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства, а вовсе не простое «переплетение»; – что частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна гнить, если искусственно оттягивать ее устранение, – которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена.

СЕДЬМАЯ ОСТАНОВКА

1. Какие общие характеристики новой стадии в развитии капитализма дает В.И. Ленин? В чем он видит «паразитизм» и «загнивание» капитализма. В чем заключается политическая подоплека подобных выводов автора? Как он видит историческое место империализма? Почему В.И. Ленин использует определение «умирающий» в отношении капитализма империалистической стадии?
2. Покажите примерами из текста классовый подход к анализу, свойственный автору.
3. Приведите примеры из текста, показывающие, что марксистскому анализу свойствен экономический детерминизм.
4. В настоящее время существует достаточно много документальных фильмов, посвященных критике современного состояния глобальной капиталистической системы. Один из них – «Планета Вавилон. Хроники великой рецессии» – был снят журналистами телеканала «Россия 24». Посмотрите, какое логическое продолжение находят в фильме выводы В.И. Ленина о финансовом капитале и финансовой олигархии – на сей раз на уровне глобальной системы. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/483088/www.m24.ru/articles/55160#>

ТЕМА 3. ТЕОРИЯ МИРО-ЭКОНОМИКИ

Иммануил Морис Валлерстайн (1930-2019) – выдающийся американский социолог, один из самых ярких представителей миро-системного анализа и, более широко, левой мысли в ТМО, чье имя получило широкую известность и за рамками академической науки – среди современных антиглобалистов.

В 1950-е годы Иммануил Валлерстайн получил образование в Колумбийском университете и там же начал свою преподавательскую карьеру. В последующие годы он преподавал в целом ряде американских университетов и в качестве приглашенного профессора в университетах по всему миру.

Еще в юношеские годы он заинтересовался освободительным движением в Индии, а позже постколониальными процессами в африканских странах. В 1970-е годы он концентрирует свои усилия на анализе становления и развития капиталистической системы, и именно эти исследования принесли ему наибольшую популярность. С середины 1970-х гг. Иммануил Валлерстайн опубликовал четыре тома своего главного фундаментального труда «Современная миро-система» (1974, 1980, 1989 и 2011 гг.), став одним из самых ярких представителей этого направления в ТМО.

Ниже приводится отрывок из работы Иммануила Валлерстайна, позволяющей понять ключевые положения его теории.

ПОДЪЕМ И БУДУЩИЙ ЗАКАТ МИРОВОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: КОНЦЕПЦИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА *

Происходивший в рамках капиталистической мировой экономики рост промышленного сектора производства, так называемая «промышленная революция», сопровождался появлением чрезвычайно сильного направления мысли, которое определяло эти изменения как процесс одновременно и органического развития, и прогресса. Были те, кто считал эти экономические процессы и сопутствующие изменения в социальной организации некоей предпоследней ступенью мирового развития, наступление финальной стадии которого была лишь вопросом времени. В их число входили столь разнородные мыслители, как Сен-Симон, Конт, Гегель, Вебер, Дюркгейм. А затем появились критики, наиболее заметным из которых был Маркс, которые считали, что реальность девятнадцатого века была лишь третьей от конца стадией развития, что капиталистический мир должен будет познать катастрофическую политическую революцию, которая затем приведет в свое время к последней социетальной форме, в данном случае – к бесклассовому обществу.

Одной из наиболее сильных сторон марксизма было то, что будучи оппозиционной и, следовательно, критической доктриной, он обращал внимание не просто на противоречия системы, но также и противоречия ее идеологов, обращаясь к эмпирическим свидетельствам исторической реальности, которые показывали неуместность моделей, предложенных для объяснения мира социального. Марксистские критики видели в абстрактных моделях конкретное рационалистическое объяснение, и они обосновывали свои положения фундаментально, показав неспособность своих оппонентов анализировать социальное целое. Как об этом писал Лукач, «Не господство экономических мотивов в объяснении истории решающим образом отличает марксизм от буржуазной науки, а точка зрения тотальности».

В середине двадцатого столетия доминирующая в странах ядра теория развития капиталистической мировой экономики не добавила много (существенно) нового к тео-

* Текст приводится по изданию: Wallerstein I. Rise and Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis // Comparative Studies in Society and History. 1974. Vol. 16. No. 4. P. 387-415. Перевод подготовлен В. Ващенко, И. Литвиновой, Ю. Кассировой под редакцией И.А. Чихарева. Авторские сноски не приводятся.

ретизированиям живших в девятнадцатом веке основоположников этого метода анализа, кроме применения к моделям количественных методов и еще большего их абстрагирования с целью объяснения дальнейших отклонений от эмпирических ожиданий.

Изъяны таких моделей были много раз и со многих точек зрения показаны. Я процитирую только одного критика, не марксиста, Роберта Нисбета, чьи очень убедительные размышления по поводу того, что он называет «западной теорией развития», заканчиваются таким резюме:

[Мы] обращаемся к истории, и только к истории, если мы ищем реальные причины, источники и условия явных изменений моделей и структур общества. Однако в современной социальной теории мы не найдем объяснения изменений в тех исследованиях, которые абстрагированы от истории; будь то исследования малых групп в социальной лаборатории, групповой динамики в целом, многоступенчатые эксперименты в области социального взаимодействия или математический анализ так называемых социальных систем. Также мы не найдем источников изменений в современных работах, возрождающих компаративный метод с его идущей вверх лестницей культурных различий и сходств, собранных из всех пространств и времен.

Должны ли мы в таком случае обратиться к критическим школам, в частности марксизму, чтобы получить лучшее представление о социальной реальности? В принципе да; на практике существует много различных, часто противоречащих друг другу, версий «марксизма». Но что является более существенным, так это тот факт, что во многих странах марксизм сейчас является официальной государственной доктриной. Марксизм больше не является исключительно оппозиционным учением, как это было в девятнадцатом веке.

Судьба официальных доктрин такова, что они испытывают постоянное социальное давление, ведущее к догматизму и апологетике, которому трудно, хотя отнюдь не невозможно противостоять, а потому часто попадают в тот же интеллектуальный тупик внеисторического построения моделей. Здесь наиболее уместна критика Фернана Броделя:

Марксизм – это целое собрание моделей... Я протестую..., в большей или меньшей степени не против модели, а против того способа, каким люди посчитали себя вправе ее использовать. Гениальность Маркса, секрет его устойчивого влияния состоит

в том, что он первым сконструировал настоящие социальные модели, начиная с долгосрочных. Эти модели были перманентно зафиксированы в своей простоте; им была дана сила закона, и они рассматривались как готовые автоматические объяснения, применимые везде и ко всем обществам... таким образом была скована творческая сила самого мощного метода социального анализа последнего столетия. Он сможет вновь обрести свою силу и жизнеспособность только в долгосрочной перспективе.

Ничто не иллюстрирует искажения, присущие неисторическим моделям социального изменения, лучше, чем дилеммы, вызываемые концепцией стадий развития. Если мы рассматриваем социальные трансформации в течение длительного периода исторического времени («долгосрочные», по Броделю), и если нам нужно дать объяснение как преемственности, так и трансформации, тогда мы должны логически разделить длительный период на сегменты для того, чтобы наблюдать структурные изменения от времени А до времени Б. Эти сегменты, однако же, в реальности являются не дискретными, а непрерывными; следовательно, они являются «стадиями» в «развитии» социальной структуры, развитии, которое мы определяем, тем не менее, не *a priori*, а *a posteriori*. То есть мы не можем конкретно предсказать будущее, но мы можем предсказать прошлое.

Наиболее важной проблемой при сравнении «стадий» является определение единиц, по отношению к которым «стадии» являются синхронными описаниями («идеальных типов», если хотите). И фундаментальной ошибкой неисторической социальной науки (включая неисторические версии марксизма) является превращение частей целого в такие единицы и затем сравнение этих материализованных структур.

Например, мы можем взять виды сельскохозяйственного производства и определить их как натуральное хозяйство и товарное производство. Затем мы можем рассмотреть их как сущности, которые являются «стадиями» развития. Мы можем говорить о решениях групп крестьян перейти от одной к другой. Мы можем описать другие частные сущности, такие как государства, заключающими внутри себя две отдельные «экономики», каждая из которых построена на одном из видов сельскохозяйственного производства. Если мы предпримем все эти последовательные шаги, каждый из которых является неверным, мы придем к вводящей в заблуждение концепции «двойной экономики», как и сделали многие либеральные экономисты, занимающиеся так назы-

ваемыми неразвитыми странами. Что еще хуже, мы можем при неправильном прочтении превратить историю Британии в набор универсальных «стадий», как делает Росту.

Ученые-марксисты часто попадали в ту же самую ловушку. Если мы возьмем способы оплаты сельскохозяйственного труда и противопоставим «феодальный» способ, при котором работнику позволяется сохранить для пропитания часть произведенной им сельскохозяйственной продукции, с капиталистическим, при котором тот же работник отдает всю свою продукцию землевладельцу, получая обратно часть в виде заработной платы, мы можем рассматривать два эти способа как «стадии» развития. Мы можем говорить о заинтересованности «феодальных» землевладельцев в препятствовании превращению их формы расчетов в систему заработной платы. Тогда мы можем объяснить тот факт, что в двадцатом веке частная сущность, скажем, государство в Латинской Америке, все еще не индустриализировалось, как следствие доминирования в нем таких земельных хозяев. Если мы предпримем все эти последовательные шаги, каждый из которых является неверным, мы приходим к вводящей в заблуждение концепции «государства, в котором доминируют феодальные элементы», как будто такое может существовать в капиталистической мировой экономике. Но, как ясно показал Андре Гундер Франк, такой миф долгое время доминировал в «традиционной марксистской» мысли Латинской Америки.

Неправильное определение сущностей, которые сравниваются, не только ведет нас к ложным концепциям, но и создает несуществующую проблему: могут ли стадии пропускаться? Этот вопрос имеет логическое значение, только если у нас есть «стадии», которые сосуществуют в рамках единого эмпирического пространства. Если в рамках капиталистической мировой экономики мы характеризуем одно государство как феодальное, другое – как капиталистическое, а третье – как социалистическое, тогда и только тогда можем мы ставить вопрос: может ли страна «перепрыгнуть» из феодальной в капиталистическую стадию национального развития, не «проходя через капитализм»?

Но если не существует такой вещи, как «национальное развитие» (если под этим мы понимаем естественную историю), и если адекватной сущностью для сравнения является мировая система, тогда проблема перепрыгивания стадий – нонсенс. Если стадию можно пропустить, то это не стадия. И мы узнаем это *a posteriori*.

Если мы будем говорить о стадиях – а мы должны говорить о стадиях – то это должны быть стадии социальных систем, т.е. целостностей. А единственными целостностями, которые существуют или исторически существовали, являются мини-системы и мировые системы, и в течение девятнадцатого и двадцатого веков существовала только одна мировая система, капиталистическая мировая экономика.

Мы берем в качестве определяющей характеристики социальной системы существование внутри нее разделения труда, так что различные сектора или области в рамках системы зависят от экономического обмена друг с другом для беспрепятственного и непрерывного удовлетворения нужд области. Такой экономический обмен вполне очевидно может существовать без общей политической структуры и еще более очевидно – без единой культуры.

Мини-система является такой единицей, в рамках которой имеется полное разделение труда и единая культурная оболочка. Такие системы можно обнаружить лишь в очень примитивных земледельческих или живущих охотой и собирательством обществах. Такие мини-системы больше не существуют в мире. Более того, в прошлом их было меньше, чем принято полагать, так как любая из таких систем, будучи связана с империей выплатой дани как «цены защиты», тем самым переставала быть «системой», не имея больше замкнутого разделения труда. Для такой области выплата дани означала переход, говоря словами Поланьи, от обоюдной экономики к участию в более крупной перераспределительной экономике.

Если оставить в стороне ныне исчезнувшие мини-системы, то единственным видом социальной системы является мировая система, которую мы определяем очень просто – как комплекс с единым разделением труда и многочисленными культурными системами. Из этого логически следует, что возможны два типа такой мировой системы – с общей политической системой и без нее. Мы определим их соответственно как мировую империю и мировую экономику.

Эмпирически можно установить, что мировые экономики исторически были нестабильными структурами, которые приводили либо к дезинтеграции, либо к завоеванию, осуществляемому одной из групп, и, следовательно, трансформации в мировую империю. Примерами таких мировых империй, возникших из мировых экономик, являются все так называемые великие цивилизации древнего мира, такие как Китай, Египет, Рим (каждый в определенный период истории). С другой стороны, так называемые

империи девятнадцатого века, такие как Великобритания и Франция, были отнюдь не мировыми империями, а национальными государствами с колониальными придатками, действующими в рамках мировой экономики.

Мировые империи изначально имели перераспределительную экономику. Без сомнения, они породили группы торговцев, которые занялись экономическим обменом (в первую очередь, дальней торговлей), но такие группы, насколько бы велики они ни были, являлись небольшой частью экономики в целом и не определяли решающим образом ее судьбу. Такая дальняя торговля, как утверждает Поланьи, была «управляемой торговлей», а не рыночной торговлей, так как использовала «торговые порты».

Только с появлением современной мировой экономики в Европе шестнадцатого века мы видим полное развитие и экономическое доминирование рыночной торговли. Это была система, называемая капитализмом. Капитализм и мировая экономика (то есть единое разделение труда, но многочисленные политические единицы и культуры) являются разными сторонами одной монеты. Одна не вызывает другую. Они просто описывают один и тот же неделимый феномен с помощью разных характеристик.

Как и почему так случилось, что конкретная мировая экономика Европы шестнадцатого века не превратилась в перераспределительную мировую империю, а развилась именно как капиталистическая мировая экономика, я объяснял в другом месте. Происхождение этого всемирно-исторического поворотного момента не имеет отношения к проблемам, затрагиваемым в данной работе, которая скорее касается того, каким концептуальным аппаратом пользоваться при анализе развития в рамках именно этой капиталистической мировой экономики.

ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА

1. Что, согласно автору, является одной из наиболее сильных сторон марксизма?
2. В чем состоит критика «западной теории развития» Роберта Нисбета?
3. Какие дилеммы заложены в концепции стадий развития? В чем состоит её критика?
4. Какова определяющая характеристика социальной системы?
5. Дайте определение понятию «мини-система»?
6. Дайте определение понятию «мировая система». Какие типы мировой системы возможны?
7. Как соотносятся капитализм и мировая экономика?

Поэтому давайте обратимся к капиталистической мировой экономике. Мы будем пытаться решить две псевдопроблемы, порожденные ловушкой, состоящей в отказе от

анализа целостностей: так называемую живучесть феодальных форм и так называемое создание социалистических систем. Поступая так, мы предложим альтернативную модель проведения сравнительного анализа, имеющую свои корни в исторически специфической целостности, какой является мировая капиталистическая экономика. Таким образом мы надеемся продемонстрировать, что быть исторически специфичным не означает неспособности быть аналитически всеобщим. Наоборот, единственный путь к номотетическим предположениям проходит через исторически конкретное, так же как в космологии единственный путь к теории законов, управляющих вселенной, проходит через конкретный анализ исторической эволюции этой конкретной вселенной.

Что касается дебатов о феодализме, в качестве отправной точки мы берем концепцию Франка о «развитии экономической отсталости», которая состоит в том, что экономические структуры современных отсталых стран не являются такими формами, которые принимает традиционное общество при контакте с развитыми обществами, не являются ранней стадией в «переходе» к индустриализации. Скорее это результат вовлечения в мировую экономику как периферии, места добычи сырья, или, как Франк говорит о Чили, «отсталость... есть необходимый продукт четырех веков капитализма».

Эта формулировка противоречит значительному количеству работ, написанных об отсталых странах в период 1950-70-х, литературы, которая искала факторы, объясняющие «развитие», в рамках несистемных образований, таких как «государства» или «культуры», и, предположительно найдя их, призывала к их имитации в отсталых регионах как пути к спасению.

Теория Франка также противоречит, как мы уже заметили, общепринятой ортодоксальной версии марксизма, которая в течение долгого времени доминировала среди партий и в интеллектуальных кругах, например, в Латинской Америке. Этот старый «марксистский» взгляд на Латинскую Америку как на набор феодальных обществ, находящихся на более или менее предбуржуазной стадии развития, пал под критикой Франка и многих других, как и перед политической реальностью, которую символизировала революция на Кубе и ее многочисленные последствия. Недавние исследования Латинской Америки имели своим центром концепцию «зависимости».

Однако недавно Эрнесто Лакло совершил атаку на Франка, в рамках которой,

принимая критику дуалистических доктрин, отказывался принять отнесение стран Латинской Америки к капиталистическим. Вместо этого Лакло заявляет, что «мировая капиталистическая система ... включает, *на уровне своего определения*, различные способы производства». Он обвиняет Франка в смешении двух понятий: «капиталистического способа производства» и «участия в мировой капиталистической экономической системе».

Конечно, если это проблема определения, то здесь не может быть никаких аргументов. Но тогда полемика едва ли является полезной, т.к. она сводится к вопросу семантики. Более того, Лакло настаивает на том, что это определение принадлежит не ему, а Марксу, что является более спорным. Роза Люксембург указала на ключевой момент неясности и непоследовательности Маркса в этом конкретном споре, неясности, которая позволяет и Франку, и Лакло ссылаться в своих размышлениях на Маркса:

Примечательно, что Маркс детально разбирает процесс присвоения некапиталистических средств производства, как и превращение крестьян в капиталистический пролетариат. Глава XXIV «Капитала», т.1, посвящена описанию происхождения английского пролетариата, капиталистического сельскохозяйственного класса арендаторов и индустриального капитала, с особым упором на ограбление колониальных стран европейским капиталом. Но мы должны помнить, что все это рассматривается исключительно с точки зрения так называемого первоначального накопления. Для Маркса эти процессы являются второстепенными, просто иллюстрирующими генезис капитала, его первое появление в мире; они являются, как считалось, муками, с которыми капиталистический способ производства рождался из феодального общества. Как только он подходит к анализу капиталистического процесса производства и циркуляции, он вновь подтверждает всеобщее и всеобъемлющее превосходство капиталистического производства.

В конце концов, в данном споре присутствует реальная проблема. Это та же реальная проблема, которая лежала в основе дебатов между Морисом Доббом и Полом Суизи начала 1950-х гг. о «переходе от феодализма к капитализму», который происходил в раннее Новое время в Европе. Эта реальная проблема, на мой взгляд, касается подходящей единицы для анализа, предпринимаемого с целью сравнения. В целом, хотя ни Суизи, ни Франк не говорят об этом достаточно ясно, и хотя Добб и Лакло могут ука-

зять на тексты Маркса, которые, как кажется, ясно указывают на то, что они более последовательно придерживаются аргументов Маркса, мне кажется, что Суизи и Франк лучше следуют если не букве, то духу Маркса, и что, если оставить самого Маркса в стороне, они приводят нас ближе к пониманию того, что на самом деле происходило и происходит, чем их оппоненты.

Какова та модель, одновременно аналитическая и историческая, которую конструирует Лакло? Сущность проблемы состоит в существовании свободного труда как определяющей характеристики капиталистического способа производства:

Фундаментальное экономическое отношение капитализма создается *свободной* продажей работником своей рабочей силы, необходимым предшествующим условием для чего является потеря непосредственным производителем права собственности на средства производства... Если теперь мы противопоставим утверждению Франка о том, что социально-экономические комплексы Латинской Америки были капиталистическими со времен Великих географических открытий... доступные сейчас эмпирические свидетельства, мы должны прийти к заключению, что тезис о «капитализме» не выдерживает критики. В регионах с плотным местным населением – Мексике, Перу, Боливии или Гватемале – прямые производители не были лишены собственности на средства производства, в то время как внеэкономическое принуждение с целью максимизации различных систем трудовой повинности ... постепенно усиливалось. На плантациях Вест-Индии экономика базировалась на способе производства, состоящем в труде рабов, в то время как в зонах шахт развились скрытые формы рабства и других типов принудительного труда, которые не имели ни малейшего сходства с формированием капиталистического пролетариата.

Вот как вкратце обстоит дело. В Западной Европе, по крайней мере, в Англии, начиная с конца семнадцатого века, были в основном безземельные, получающие заработную плату работники. В Латинской Америке, тогда и в некоторой степени еще и сейчас, работники были не пролетариями, а рабами «серфов». Если есть пролетариат, есть и капитализм. Разумеется. Несомненно. Но является ли Англия, или Мексика, или Вест-Индия единицей анализа? Имеет ли каждая из них свой «способ производства»? Или же единицей является (для шестнадцатого – восемнадцатого веков) европейская мироэкономика, включающая Англию и Мексику, в этом случае каким был «способ производства» в этой мировой экономике?

Перед тем как мы дадим наш ответ на этот вопрос, давайте обратимся к совсем другому спору, проходившему в 1960-х между Мао Цзэдуном и Лю Шаочи о том, была ли Китайская Народная Республика «социалистическим государством». У этого спора длительная предыстория в развивающейся мысли марксистских партий.

Маркс, как часто отмечалось, не говорил практически ничего о послереволюционном политическом процессе. Энгельс в своих очень поздних работах писал о «диктатуре пролетариата». На долю Ленина выпала разработка теории такой «диктатуры», он это сделал в своем памфлете «Государство и революция», опубликованном незадолго до большевистского переворота в России, в августе 1917 г. Приход к власти большевиков привел к многочисленным дебатам относительно природы основанного режима. В советской общественной мысли произошло теоретическое разделение «социализма» и «коммунизма» как двух стадий исторического развития, первая из которых могла быть реализована в настоящем, а вторая – в будущем. В 1936 г. Сталин объявил, что СССР стал социалистическим (но еще не коммунистическим) государством. Таким образом, мы теперь твердо установили *три* стадии, следующие за буржуазным режимом: послереволюционное правительство, социалистическое государство и затем коммунизм. Когда после Второй Мировой войны различные режимы, управляемые коммунистической партией, устанавливались в различных государствах Восточной Европы, эти режимы объявлялись «народными демократиями», это было новое имя, данное послереволюционной первой стадии. Позднее некоторые из этих стран, например, Чехословакия, заявили, что они перешли на вторую стадию, став социалистическими республиками.

В 1961 г. 22-й съезд КПСС изобрел четвертую стадию в развитии социалистического государства - между бывшими второй и третьей стадиями - стадию «социалистического государства», «государства всего народа», стадию, которую, как предполагалось, СССР на тот момент достиг. В программе съезда утверждалось, что «государство всего народа», будет существовать до полной победы коммунизма». Один из ее толкователей выделил «главную отличительную черту этой стадии»: «Государство всего народа является первым в истории мира государством, где не существует классовой борьбы, которой нужно противостоять, и где, следовательно, не существует доминирования какого-то одного класса и подавления одного класса другим».

Одним из первых изменений, знаменующих зарождавшиеся разногласия между КПСС и Коммунистической партией Китая в 1950-е годы, стали идеологические споры, в центре которых был вопрос о постепенном движении к коммунизму. Советские ученые говорили о том, что различные социалистические государства будут постепенно, по отдельности друг от друга преодолевать стадии развития на пути к коммунизму, в то время как КПК настаивала на том, что этот процесс должен проходить одновременно во всех государствах.

Как мы видим, эти дебаты о «стадиях» неявным образом привели к тому, что встал вопрос о единицах анализа, потому что позиции Китая и СССР по данному вопросу очень сильно различались. Так, к примеру, в Китае также настаивали на том, что коммунизм – это характеристика не отдельного национального государства, а мировой экономики в целом. Этот идеологический вопрос в дальнейшем долго обсуждался в Китае. Известно, что эти непрекращающиеся дискуссии в конечном счете привели к Культурной революции.

Одним из следствий этих дебатов о «стадиях» был вопрос о том, продолжалась или нет классовая борьба в послереволюционных государствах до достижения ими коммунизма. Итак, на 22-м съезде КПСС в 1961 году было утверждено положение о том, что СССР является государством, в котором не существует классового антагонизма. В 1957 году Мао Цзэдун, выступая, с докладом «О корректном разрешении противоречий между людьми», не говорил об обстановке в СССР, но касательно Китая выразился следующим образом:

Классовая борьба вовсе не закончена... Она продолжится, она будет долгой и мучительной и в определенный момент максимально обострится ...марксисты до сих пор составляют меньшинство среди всего населения в целом, также, как и в среде интеллектуалов. Потому борьба и самого марксизма за право на существование и развитие должна продолжаться... Такие войны никогда не закончатся. Это истинный закон развития, который естественным образом определит и судьбу самого марксизма.

Но если такие войны никогда не закончатся, то многие из поверхностных обобщений о количестве стадий, которые должны преодолевать в своем развитии государства, фактически теряют смысл.

Во время Культурной революции утверждалось, что доклад Мао Цзэдуна «О корректном разрешении противоречий между людьми» «полностью отвергает теорию

«отмирания классовой борьбы», отстаиваемую Лю Шаочи...» В частности, Мао говорит, что «исключение системы частной собственности и классовой эксплуатации путем социалистической трансформации и полное исчезновение борьбы в политической и идеологической сферах – это не одно и то же.

Мао считает, что даже тогда, когда достигнута политическая (то есть когда установлена диктатура пролетариата) и осуществлена экономическая трансформация (т.е. запрещена частная собственность на средства производства), революция отнюдь не завершена. Революция - не событие, а процесс. Этот процесс Мао именуется также «социалистическим обществом» - несколько некорректное словосочетание – «социалистическое общество занимает очень долгий период по времени». Более того, следующее утверждение китайского лидера таково: «Классы и классовая борьба должны и будут существовать на протяжении всего периода «социалистического общества». Десятый пленум 8-го Центрального комитета КПК, собиравшийся 24-27 сентября 1962 г., одобряя взгляды Мао, опустил словосочетание «социалистическое общество», вместо этого говоря об «историческом периоде пролетарской революции и диктатуры пролетариата, ... историческом периоде перехода от капитализма к коммунизму», который, как говорилось, «будет продолжаться десятки лет или даже больше», и в течение которого «существует классовая борьба между пролетариатом и буржуазией и борьба между социалистическим и капиталистическим путями развития».

Мы не располагаем прямыми контраргументами Лю на этот счет. Однако мы можем рассмотреть как выражение альтернативной позиции недавно опубликованный в СССР анализ взаимоотношений социалистической системы и международного развития. Там указывается, что в какой-то точно не определенный момент в послевоенное время «социализм перерос границы одной страны и превратился в мировую систему». Далее: «...капитализм, возникший в 16 веке, «дорос» до состояния мировой экономической системы только в 19 веке. 300 лет ушло на то, чтобы буржуазные революции наконец-то положили конец феодальной элите. Социализму же потребовалось всего 30-40 лет на то, чтобы создать силы, которые бы двигали построение новой мировой системы». Наконец, в данной книге говорится о «международном капиталистическом разделении труда» и «международной социалистической кооперации труда» как о двух различных феноменах. Автор не принимает совершенно противоположную точку зре-

ния китайских ученых по этому вопросу, поэтому приходит к следующему заключению: «Союз социалистических стран на пути своего развития встречал серьезные препятствия в лице правительства Китайской республики, которое решило придерживаться отличного от общего курса» и приписывает это «властному шовинизму Мао Цзэдуна и его окружения».

Давайте присмотримся еще раз, насколько контрастны эти две позиции. Мао Цзэдун настаивает на рассмотрении стадии «социалистического государства» как процесса, а не как структуры или организации. Он рассматривает мировую систему в целом, как некую неделимую совокупность государств, в которой нет различий на что-то «капиталистическое» и что-то «социалистическое». Советские ученые основывают свой анализ на положении, утверждающем наличие двух сосуществующих бок о бок мировых системах.

Но можем ли мы как-то использовать вышеозначенные идеи, высказанные китайскими и советскими учеными, отталкиваясь от общепринятого набора концепций, чтобы проанализировать функционирование капиталистической мировой экономической системы?

ВТОРАЯ ОСТАНОВКА

1. Какие две «псевдопроблемы» предлагает решить автор?
2. Что является причиной экономической отсталости некоторых стран мира, в частности, стран Латинской Америки? Какие варианты решения проблемы экономической отсталости предлагаются в рамках теории зависимости и теории модернизации?
3. Какие стадии при переходе от капитализма к коммунизму были в итоге выделены в СССР? В чем, согласно И. Валлерстайну, состоит принципиальная разница между маоизмом и советским коммунизмом?
4. Как дебаты о «стадиях» связаны с вопросом определением единиц анализа международных отношений? Какие реальные проблемы скрываются за «псевдопроблемами»?

Начнем с того, как можно продемонстрировать наличие единого разделения труда. Мы можем рассматривать разделение труда как некую решетку, ячейки которой взаимосвязаны и взаимозависимы. Экономические акторы – ячейки этой решетки, в своем взаимодействии основываются на некотором убеждении (обычно редко воспринимаемом отдельным индивидом), что вся совокупность их наиболее существенных потребностей – т.е. нужды в пище, защите, отдыхе – будут удовлетворены по прошествии какого-то периода времени в результате их же собственной производительной

деятельности и обмена. Решетка наименьшего размера, которая сможет в целом удовлетворить ожидания абсолютного большинства в рамках этих связей, составляет единое разделение труда.

Почему же небольшие сельскохозяйственные общности, чьи связи с внешним миром ограничиваются лишь ежегодной выплатой дани, не составляют единого разделения труда? Дело в том, что производители, составляющие подобную общность, вынуждены сообщаться с внешним миром, поскольку им необходимо обеспечивать собственную безопасность (т.е. потребность данной общности в безопасности может быть удовлетворена только при помощи акторов, находящихся вовне). Лишь та решетка, которая полностью удовлетворяет потребности акторов - т.е. ячеек, ее составляющих, в рамках собственных граней, образует единое разделение труда.

Элементы одной системы могут быть также связаны с элементами, находящимися вне системы, посредством обмена. Форма такого обмена весьма ограничена. Элементы двух систем участвуют в обмене ценностями, т.е. один элемент может экспортировать другому то, что в его системе считается социально менее значимым (недорогое) в обмен на то, что в его системе считается социально более значимым (дорогостоящим).

Таким образом, капиталистическая экономическая система характеризуется тем, что в ее рамках происходит производство продукта. Производящийся продукт предназначен для продажи на рынке; тот, кто производит (объект) должен представлять себе, какую максимальную прибыль он может получить. В такой системе производство будет расширяться до тех пор и до той степени, пока оно остается прибыльным, и производители постоянно совершенствуют способы производства продукта, чтобы увеличить прибыль. Классики политэкономии считают, что стремиться к увеличению прибыли – это «естественное» состояние человека. Антропологи и марксисты убеждают в том, что данный способ производства – лишь один из нескольких возможных.

Так как интеллектуальный спор между марксистами и либералами продолжается в эпоху индустриальной революции, наблюдалась тенденция к фактическому смешению индустриализма и капитализма. В частности, это выразилось в том, что либералы после 1945 года не могли объяснить, как некапиталистическое общество так быстро

индустриализовалось. В итоге решили, что «индустриальное общество» может воплощаться и в форме либерального капитализма и в форме социализма – эти два варианта в какой-то момент должны сойтись. Эту точку зрения поддерживал Раймон Арон. В среде марксистов также возникла путаница, исследователи не могли прийти к единому мнению, какая модель производства преобладала в Европе с шестнадцатого по восемнадцатый века перед индустриальной революцией. Многие марксисты говорили о «переходном периоде» – это «сырая», непроработанная концепция, в ней много неясных деталей. К примеру, непонятно, почему этот переход совершался со столь разной скоростью и в столь разное время в различных странах.

Маркс справлялся с этой дилеммой, различая «торговый капитализм» и «промышленный капитализм». Не очень удачное различие, поскольку оно ведет к неясным заключениям, вроде тех, которое делает Морис Добб, когда говорит о «переходном» периоде:

Но почему мы вообще говорим об этой стадии как о капиталистической? Работники в основном не были пролетариями: то есть они не были отчуждены ни от инструментов производства, ни, во многих случаях, от участков земли. Капиталист тогда еще оставался по преимуществу торговцем, который не контролировал производство напрямую и не устанавливал дисциплину в среде рабочих - ремесленников, причем последние трудились в семейных предприятиях (объединениях), и удерживали значительную долю независимости (хотя и сокращающейся).

Мы можем спросить: почему, действительно? Особенно если мы вспомним, насколько Добб несколькими страницами ранее делает акцент на капитализме как способе *производства* – как в таком случае капиталист может быть главным образом торговцем? – на концентрации такой собственности в руках немногих и на том факте, что капитализм не является синонимом частного предпринимательства, капитализм отличается от системы, при которой собственники являются «мелкими сельскими производителями или ремесленниками». Добб также говорит о том, что определяющей чертой системы частной собственности в условиях капитализма является то, что некоторые обязаны работать на тех, кто является владельцем, с тех пор, как сами лишаются собственности и доступа к средствам производства, и, следовательно, не имеют никаких других средств к существованию. Учитывая это противоречие, ответ, который Добб

дает на свой собственный вопрос, на мой взгляд, очень слаб: «Хотя правда то, что ситуацию в то время можно считать «переходным» периодом, и, следовательно, отношения между капиталом и наемными рабочими были недостаточно равны, они все-таки уже начинали приобретать свои характерные черты».

Если капитализм – это форма производства, основанная на получении прибыли, нам следует посмотреть, действительно ли оно существовало. Очевидно, что оно существовало, причем в значительных масштабах, довольно – таки прочной форме. В большинстве же, своем, конечно, такое производство не являлось промышленным. Таким образом, в течение шестнадцатого – восемнадцатого веков в Европе (начиная от территории Польши на северо-востоке и включая огромное пространства Западного полушария) образовалась мировая экономическая система с внутренним разделением труда и мировым рынком, на которых производилось в огромных количествах сельскохозяйственные продукты, предназначенные в дальнейшем для продажи и получения прибыли. Думаю, что удачнее всего будет назвать эту систему сельскохозяйственным капитализмом.

Это в таком случае решает проблемы, вытекающие из рассмотрения распространения *наемного* труда главной характеристики капитализма. Индивид не становится в меньшей степени капиталистом, эксплуатирующим работников, из-за того, что государство помогает ему в том, чтобы платить своим работником низкую зарплату и лишает этих рабочих права переходить к другому нанимателю. Рабство и так называемое «второе крепостное право» не должны считаться аномальными явлениями в рамках капиталистической системы. В условиях капитализма труд определенно становится товаром. В эру «сельскохозяйственного капитализма» «заработная плата, выплачиваемая рабочим, является одним из методов рекрутирования и вознаграждения на рынке труда. Рабство, принудительное сельскохозяйственное производство, аренда труда – это альтернативные методы. Описание здесь причин, по которым различающиеся регионы мировой экономики имеют тенденцию специализироваться на разных сельскохозяйственных продуктах, было бы слишком длинным. Я сделал это в другой работе.

Также необходимо заметить, что происходит специализация труда в различных географических регионах. Эта специализация во многом образуется благодаря попыткам экономических акторов избежать дополнительных рыночных операций, если

только это не способствует максимизации их прибыли. Попытки этих акторов использовать нерыночные средства получения прибыли в самые короткие сроки приводят их к сотрудничеству с теми политическими объединениями, которые могут влиять на рынок, а именно – к национальным государствам.

В любом случае, капиталисты – землевладельцы и торговцы – обращаются к государству не только для того, чтобы получить освобождение от рыночных ограничений в своей экономической системе, но и для того, чтобы с помощью государства ввести новые, выгодные им ограничения на новом рынке, рынке европейской мировой экономики.

Благодаря ряду факторов – историческому, экологическому и географическому – северо-западная Европа могла наилучшим образом разнообразить свою сельскохозяйственную специализацию, и, плюс к этому, добавить определенные отрасли текстильного производства, кораблестроения, и производство металлических изделий. Северо-западная Европа превратилась в зону ядра мировой экономики, специализирующуюся на сельскохозяйственной продукции, где одобрялись и поощрялись такие, формы контроля за рабочими, как аренда труда и наемный труд. Что касается Восточной Европы и Западного полушария, то они являлись периферийными зонами, специализирующимися на экспорте зерна, дерева, сахара – все это также требовало использования рабского труда. Средиземноморская Европа – полупериферийная зона мировой экономической системы – специализировалась на дорогостоящих промышленных товарах, таких, как шелк, а также кредитно-денежных операциях, что в сельскохозяйственной сфере имело своим результатом издолье как способ контроля рабочей силы и малую долю экспорта в другие регионы.

Три структурные позиции в мировой экономике – центр, периферия и полупериферия – стабильно оформились к 1640 году. Почему конкретные области вошли в одну структуру, а не в другую – долгая история. Интересы различных, локальных экономических группировок сошлись каким-то образом в Западной Европе, привели к развитию мощных государственных механизмов, и резко разошлись в периферийных зонах, способствуя таким образом ослаблению последних. Поскольку имелось различие в силах государственных аппаратов, возникла ситуация «неравного обмена», который навязывался сильными государствами слабым, государствами ядра – периферийным.

Таким образом, капитализм выражается не только в накоплении прибавочного продукта, который собственник получает от рабочего, но и в накоплении всего прибавочного продукта мировой экономической системы странами ядра.

В раннее Средневековье, разумеется, существовала торговля. Но она была в основном либо «местной», на территории, которую можно назвать «расширенным» поместьем, или «дальней» торговлей предметами роскоши. Не существовало «крупной» торговли, торговли товарами первой необходимости между областями среднего размера, а следовательно – и производства, ориентированного на такие рынки. Позже в Средние века можно констатировать появление мировых экономик, одна из которых имела своим центром Венецию, вторая – Фландрию и Ганзу. По различным причинам, эти структуры подверглись упадку (экономическому, демографическому и экологическому) в период 1300-1450 гг. Только с созданием *Европейского* разделения труда после 1450 г. капитализм пустил глубокие корни.

Капитализм изначально был явлением мировой экономики, а не отдельных национальных государств. Неверно истолковывают ситуацию, когда говорят, что только в XX в. капитализм стал «всемирным», хотя это часто заявляется различными авторами, особенно марксистами. Типичным для такого направления является ответ Чарльза Беттельхейма на рассуждения Анри Эммануэля по поводу неравного обмена:

Тенденция к тому, что капиталистический способ производства становится всемирным, проявляется не только в создании группы национальных экономик, формирующих сложную и иерархическую структуру, включающую империалистический и подчиненный полюса, и не только в антагонистических взаимоотношениях, развивающихся между разными «национальными экономиками», но также в постоянном «переходе» государственных границ крупным капиталом (формирование «международного крупного капитала», «всемирных компаний» и т.д. ...).

Весь тон этих замечаний игнорирует тот факт, что капитал никогда не позволял государству ограничивать свои устремления национальными государственными границами в капиталистической мировой экономике, и что создание «национальных» барьеров – в общем, меркантилизм – исторически был защитным механизмом капиталистов тех стран, которые были на один уровень ниже сильнейших элементов системы. Так было в случае противостояния Англии и Нидерландов в 1660-1715 гг., Франции и

Англии в 1715-1815, Германии и Британии в девятнадцатом веке, СССР и США в двадцатом. В процессе развития большое число стран создает национальные экономические барьеры, следствия которых часто простираются дальше их первоначальных целей. В этом последнем случае те же самые капиталисты, которые оказывали давление на национальные правительства с целью введения ограничений, затем обнаруживают, что эти ограничения сковывают их. Это не является «интернационализацией» «национального» капитала. Это – новое политическое требование представителей отдельных категорий капиталистических классов, которые искали новые возможности максимизировать свои прибыли.

Если это так, то какой смысл имеют разговоры о структурных позициях внутри этой экономики и о том, какое государство какую позицию занимает? И зачем говорить о трех позициях, вводя «полупериферию» наряду с широко используемыми понятиями ядра и периферии? Сильные госаппараты, сложившиеся в странах ядра, могли удовлетворять требования землевладельцев и торговцев, но они вовсе не являлись легко манипулируемыми марионетками, потому как очевидно, что любая организация, когда-либо созданная, имеет определенную автономию и защитные механизмы. Во-первых, она создает свой штат чиновников, чьи интересы реализуются путем усиления самой организации, на которую они работают. Так, и короли, и бюрократы едины в том, что стремятся остаться у власти и постоянно увеличивать свои доходы. Во-вторых, организации необходимо заключать конституционные договоры в рамках государств, подобные «сделки» ограничивают свободу маневров государственных управленцев. Концепция государства как «исполнительного комитета правящего класса» является правомерной, поэтому, только если мы будем учитывать, что исполнительные комитеты никогда не являются простыми отражениями воли своих избирателей, о чем хорошо знает каждый, кто когда-либо участвовал в любой организации.

Усиление государственных машин в странах ядра имеет своим прямым аналогом упадок государственных машин в периферийных странах. Упадок Польской монархии в шестнадцатом и семнадцатом веках является тому ярчайшим примером. Тому есть две причины. В странах периферии интересы капиталистических землевладельцев противоречат интересам местной торговой буржуазии. Их интересы заключаются в поддержании открытой экономики с целью максимизации своей прибыли от торговли на

мировых рынках (никаких экспортных ограничений и доступ к более дешевой промышленной продукции из стран ядра) и подавлении собственной торговой буржуазии в пользу иностранных купцов (которые не представляют политической угрозы на местном уровне). Таким образом, с точки зрения государства, коалиция, которая усиливала его в странах ядра, была абсолютно невозможна.

Вторая причина, которая становилась все более важной в течение истории современной миросистемы, заключается в том, что сила государственных аппаратов стран ядра является функцией слабости других государственных аппаратов. Следовательно, удел стран периферии – страдать от внешней интервенции в виде войн, переворотов и дипломатического давления.

Все это кажется вполне очевидным. Я повторяю это только для того, чтобы прояснить две позиции. Объяснить причины мощи того или иного государственного аппарата в терминах цивилизационно-культурного характера рационально возможным не представляется, но если исходить из того, какую структурирующую роль играет та или иная страна в системе мировой экономики, то сделать это нетрудно. Если быть точным, изначальная пригодность для той или иной роли часто определяется случайными преимуществами, имеющимися у той или иной страны, и «случайность» несомненно заключается отчасти в предшествующей истории, отчасти в текущем географическом положении. Но при наличии этих относительно незначительных случайностей именно действия сил на мировом рынке акцентируют различия, институционализируют их и делают возможным их преодоление в краткосрочной перспективе.

Структурные различия между центральной и периферийной частями мировой экономической системы, их сосуществование понять было бы невозможно, если бы не существовало полупериферии. Это является результатом не просто постановки произвольных разделительных точек на континууме характеристик. Наша логика не является чисто индуктивной, улавливающей наличие третьей категории путем сравнения показателей кривых. Она также является дедуктивной. Полупериферия необходима для того, чтобы капиталистическая мировая экономика развивалась постепенно, а не резкими скачками. Оба типа мировых систем, и мировая империя с перераспределительной экономикой, и мировая экономика с капиталистической рыночной экономической системой, естественным образом подразумевают неравное распределение доходов. Неизбежно возникает вопрос: как подобные «несправедливые» системы могут так

долго существовать? Почему угнетаемое большинство элементарно не может подавить эксплуататоров, которые составляют меньшинство (причем диспропорция крайне велика)? Краткий анализ истории позволяет увидеть, что системы крайне редко сталкивались с восстаниями, которые бы носили масштабный характер. Хотя постоянно существовали внутренние разногласия, обычно проходило много времени, прежде чем накопление эрозии власти приводило к закату миросистемы, и зачастую внешняя сила была важнейшим фактором такого заката.

Существовало три основных механизма, которые позволяют мировым системам сохранять относительную политическую стабильность (в смысле выживания системы в целом, а не отдельных группировок, игравших главные роли в системе). Во-первых, это – концентрация военной силы в руках доминирующих сил. Степень ее безусловно варьируется в зависимости от технологического развития, и естественно, что существуют политические предпосылки для такой концентрации, но тем не менее, грубая сила несомненно является главной характеристикой, которую стоит рассматривать.

Во-вторых, происходило форсированное распространение идеологических установок на всю систему в целом. Я не имею в виду то, что часто называется «легитимацией» системы, потому что под этим термином подразумевали то, что низшая страта чувствует некую привязанность или преданность к правителям, а я сомневаюсь, чтобы это когда-либо было важным фактором для выживания миросистем. Имеется в виду то, насколько кадровый слой системы (я намеренно употребляю столь широкий термин) чувствовал, что его благополучие непременно зависит от выживания данной системы в целом и компетентности ее лидеров. Эти кадры не только распространяют мифы; именно они и верят в них.

Но ни сила, ни идеологическая преданность кадров не были бы достаточными, если бы не разделение большинства на более многочисленную нижнюю страту и меньшую среднюю. Как революционный призыв к поляризации как стратегии изменений, так и либеральная приверженность консенсусу как основа либеральной политики, отражают это предположение. Смысл его гораздо шире, чем предполагается анализом современных политических проблем. Нормальное состояние любого типа мировой системы – трехступенчатая классовая структура. В ином случае систему поражает дезинтеграция.

В мировой империи средней страте на самом деле отводится роль поддержания

имеющей незначительную значимость торговли предметами роскоши, в то время как высшая страта концентрирует свои ресурсы на управлении военной машиной, которая может собирать дань, что является самым важным способом перераспределения прибавочного продукта. Тем не менее, предоставляя доступ к ограниченной части этого прибавочного продукта городским элементам, которые в обществах, предшествовавших современным, были единственными, кто мог принести политическую целостность изолированным кластерам первичных производителей, высшая страта эффективно откупалась от их потенциального лидерства в организованном перевороте. А отказывая в доступе к политическим правам этой торговой городской средней страте, она делала ее постоянно уязвимой для конфискационных мер тогда, когда ее экономические прибыли становились достаточно велики, чтобы она могла начать создание собственной военной силы.

В мировой экономике такая «культурная» стратификация не является столь простой, т.к. отсутствие единой политической системы означает вертикальную, а не горизонтальную концентрацию экономических ролей внутри системы. Решением в таком случае является наличие трех *типов* государств, что создает давление в направлении культурной гомогенизации внутри каждого из них – поэтому кроме верхней страты государств ядра и нижней страты периферийных государств существует средняя страта полупериферии.

Полупериферии в таком случае приписывается собственная экономическая роль, хотя причины этого больше политические, чем экономические. То есть можно обоснованно предположить, что мировая экономика как экономика будет функционировать столь же успешно без полупериферии. Но она будет значительно менее *политически* стабильна, т.к. это будет означать поляризованную мировую систему. Существование третьей страты означает именно то, что высшей страте не противостоит *объединенная* оппозиция всех остальных, потому что средняя страта является и эксплуатирующей, и эксплуатируемой. Следовательно, специфическая экономическая роль является не столь важной, и потому менялась на протяжении различных исторических стадий современной мировой системы. Мы опишем эти изменения вкратце.

Каким тогда образом во все это вписывается классовый анализ? И чем при такой формулировке являются нации, национальности, народы, этнические группы? Прежде

всего, не обсуждая это положение сейчас, я буду считать, что все эти термины обозначают вариации одного феномена, который я обозначу как «этнонация».

Классы и этнические группы, или статусные группы, или этнонации, являются феноменами мировой экономики, и значительную часть огромной неразберихи, которая окружала конкретный анализ их функционирования, можно довольно просто объяснить тем, что они анализировались так, как будто они существуют внутри национальных государств мировой экономики, а не внутри самой мировой экономики. Это действительно было Прокрустовым ложем.

При том, что разнообразие экономической деятельности в странах ядра гораздо шире, чем в странах периферии, разнообразие групп интересов там также гораздо больше*. Поэтому часто отмечалось, что сегодня во многих частях земли не существует пролетариата в том виде, в котором он существует, скажем, в Европе или Северной Америке. Но это неправильный способ изложения наблюдений. При том, что промышленная активность непропорционально сосредоточена в определенных частях мировой экономики, промышленных наемных рабочих нужно искать главным образом в некоторых географических регионах. Их интересы как организованной группы определяются их коллективными отношениями с мировой экономикой. Их способность влиять на политическое функционирование этой мировой экономики определяется тем фактом, что составляют больший процент населения в одном суверенном государстве, чем в другом. Форма, которую их организации принимали, во многом определялась также этими политическими связями. То же самое можно сказать о промышленных капиталистах. Классовый анализ способен полностью объяснить политическую позицию, скажем, французских квалифицированных рабочих, если мы посмотрим на их структурную позицию и интересы в мировой экономике. То же самое и с этнонациями. Содержание этнического сознания в странах ядра существенно отличается от такового в странах периферии именно из-за различных классовых позиций, которые эти этнические группы занимают в мировой экономике.

* Разнообразие в данном предложении означает количество различных профессий, в которых занята значительная часть населения. Так, типичное периферийное общество является в основном сельскохозяйственным. В типичном обществе ядра профессии равномерно распределены между всеми тремя выделенными Колином Кларком секторами. Если бы мы перенесли значение разнообразия на рассмотрение стиля жизни, структур потребления, даже распределения доходов, вполне возможно, что корреляция могла бы быть обратной. В типичном периферийном обществе различия между добывающим себе пропитание фермером и городским профессионалом возможно гораздо больше, чем в типичной стране ядра.

Политическая борьба этнонаций или сегментов классов в рамках национальных границ естественно составляют ежедневное содержание локальной политики. Но их значимость или последствия могут быть полностью проанализированы, только если мы разъясним последствия их организационной активности или политических требований на функционирование мировой экономики. Это также попутно делает возможным более рациональную оценку этой политики с точки зрения некоторого набора оценочных критериев, таких как «левая» и «правая».

То есть функционирование капиталистической мировой экономики требует того, чтобы группы отстаивали свои интересы в рамках единого мирового рынка, в то же время пытаясь изменить этот рынок для своей выгоды путем организации с целью давления на государства, некоторые из которых являются значительно более мощными, чем другие, но ни одно из которых не контролирует мировой рынок во всей его полноте. Разумеется, при более пристальном изучении мы обнаружим, что есть периоды, когда одно государство является относительно достаточно мощным, и другие периоды, когда власть более рассеяна и является предметом борьбы, что дает более слабым государствам более широкую свободу действий. Таким образом, мы можем говорить об относительной плотности или разреженности мировой системы как о важной переменной и стремиться к анализу того, почему это измерение по своей природе тяготеет к цикличности, как это, кажется, было в последние несколько столетий.

ТРЕТЬЯ ОСТАНОВКА

1. Какие критерии определяют единое разделение труда?
2. Какую позицию автор занимает относительно «смещения индустриализма и капитализма»?
3. Опираясь на текст, как вы можете охарактеризовать мировую экономическую систему, существовавшую в Европе в XVI-XVIII веках? Каким образом были оформлены три структурные позиции (центр, полупериферия, периферия) в данной системе?
4. Согласен ли И. Валлерстайн с утверждением, что «только в XX веке капитализм стал «всемирным»»? Почему?
5. Как вы понимаете то, что «усиление государственных машин в странах ядра имеет своим прямым аналогом упадок государственных машин в периферийных странах»?
6. Что позволяет мировым системам сохранять относительную политическую стабильность? Какова в этом роль полупериферии?
7. Что подразумевается под относительной плотностью или разреженностью мировой системы?

Теперь мы можем взглянуть на историческую эволюцию этой капиталистической мировой экономики самой по себе и проанализировать, насколько продуктивно говорить о различных стадиях ее эволюции как системы. Возникновение европейской мироэкономики в течение «длинного» шестнадцатого века (1450-1640) стало возможным в результате исторической конъюнктуры: на долгосрочные тенденции, которые были кульминацией того, что иногда описывается как «кризис феодализма», наложился более краткосрочный циклический кризис плюс климатические изменения, все это создало дилемму, которая могла быть разрешена лишь географическим расширением разделения труда. Более того, баланс внутрисистемных сил был таков, что сделал это возможным. Поэтому географическая экспансия происходила в сочетании с демографической экспансией и ростом цен.

Примечательным было не то, что европейская мироэкономика была создана, а то, что она пережила попытку Габсбургов превратить ее в мировую империю, к чему серьезно стремился Карл V. Попытка Испании поглотить всех провалилась потому, что быстрый экономико-демографическо-технологический скачок вперед по сравнению с прошлым веком сделал все предприятие слишком дорогим, чтобы его могла поддерживать имперская база, особенно с учетом множества структурных недостатков экономического развития Кастилии. Испания не могла позволить себе ни бюрократию, ни армию, необходимые для этого предприятия, и в процессе оказалась банкротом, как и французские монархи, которые совершили похожую, хотя и менее убедительную попытку.

Когда мечта Габсбургов о мировой империи разбилась – а в 1557-м она разбилась навсегда – капиталистическая мировая экономика стала утвердившейся системой, которую было практически невозможно вывести из равновесия. Она быстро достигла точки равновесия в своих взаимоотношениях с другими мировыми системами: Османской и Российской мировыми империями, протомировой экономикой Индийского океана. Каждое из государств или потенциальных государств внутри Европейской мировой экономики быстро двигалось к бюрократизации, созданию постоянной армии, гомогенизации культуры, диверсификации экономической активности. К 1640 году государствам северо-западной Европы удалось утвердиться в качестве стран ядра; Испания и города-государства северной Италии опустились до уровня полупериферии;

северо-восточная Европа и Иберийская Америка стали периферией. На тот момент государства, имевшие полупериферийный статус, достигли его путем упадка по сравнению с прошлым более высоким статусом.

Общесистемная рецессия 1650-1730 гг. консолидировала Европейскую мировую экономику и открыла вторую стадию современной мировой экономики. Так как рецессия породила ограничения, а падение относительной прибыли позволило выжить лишь странам ядра. Средством борьбы был меркантилизм, который был инструментом частичной изоляции и ухода с мирового рынка *больших* областей, которые сами были иерархически организованы – то есть империй внутри мировой экономики (которые сильно отличаются от мировых империй). В этой борьбе Англия сначала отобрала у Нидерландов их торговое превосходство, а затем успешно сопротивлялась попыткам Франции догнать ее. Когда Англия начала ускорять процесс индустриализации после 1760 г., произошла последняя попытка капиталистических сил Франции нарушить надвигающуюся гегемонию Британии. Эта попытка была выражена сначала в проведенной Французской революцией смене кадров режима, а затем в континентальной блокаде Наполеона. Но она провалилась.

После этого начинается третья стадия капиталистической мировой экономики, стадия промышленного, скорее чем сельскохозяйственного капитализма. С этого времени промышленное производство больше не является незначительным аспектом мирового рынка, а напротив, составляет большую долю мирового валового продукта – и что еще более важно, мировой валовой прибыли. Это имело целый ряд последствий для мировой системы.

Прежде всего, это привело к дальнейшей географической экспансии Европейской мировой экономики, которая теперь включала весь земной шар. Это было отчасти результатом расширения технологических возможностей с точки зрения как увеличившейся военной мощи, так и улучшившегося кораблестроения, которое сделало регулярную торговлю достаточно дешевой, чтобы быть жизнеспособной. Но в дополнение к этому промышленное производство *требовало* доступа к сырью такого характера и в таких количествах, что эти нужды не могли быть удовлетворены в рамках существующих связей. Сначала, как бы то ни было, поиск новых рынков не был главным соображением при географической экспансии, так как новые рынки были более доступны в рамках старых связей, как мы это увидим.

Географическая экспансия Европейской мирэкономике означала исчезновение других мировых систем, а также абсорбцию остающихся минисистем. Самая важная к тому моменту мировая система за пределами Европейской мирэкономике, Россия, заняла полупериферийную позицию, что явилось следствием силы ее государственной машины (включая ее армию) и степени индустриализации, уже достигнутой в восемнадцатом веке. Обретение государствами Латинской Америки независимости несколько не изменило их периферийный статус. Оно просто уничтожило последние следы полупериферийной роли Испании и положило конец существованию зон изоляции от мировой экономики во внутренней Латинской Америке. Азия и Африка были включены в периферию в девятнадцатом веке, хотя Япония, по причине сочетания силы ее государственной машины, бедности ее ресурсной базы (что привело к определенному отсутствию интереса со стороны мировых капиталистических сил) и ее географической удаленности от стран ядра смогла быстро достичь полупериферийного статуса.

Абсорбция Африки как части периферии означало конец рабства в мировом масштабе по двум причинам. Во-первых, людские ресурсы, которые использовались в качестве рабов, теперь были нужны для товарного сельскохозяйственного производства в самой Африке, в то время как в восемнадцатом веке европейцы пытались *предотвратить* именно такое товарное зерновое производство. Во-вторых, когда Африка стала частью периферии, а не внешней зоной, рабство больше не было экономичным. Чтобы понять это, мы должны оценить экономику рабства. Рабы, получающие самое низкое возможное вознаграждение за свой труд, являются наименее продуктивной формой рабочей силы и имеют наименьшую продолжительность жизни, оба эти фактора вызваны недоеданием и плохим обращением, а также пониженной физической сопротивляемостью к смерти. Более того, если производить набор рабов из мест, окружающих их место работы, процент побегов будет слишком велик. Следовательно, требуются высокие транспортные расходы при низкой продуктивности труда. Это имеет экономический смысл, только если цена закупки теоретически равна нулю. В капиталистической рыночной экономике закупка всегда имеет реальную цену. Только в дальней торговле, обмене ценностями цена закупки в социальной системе покупателя может быть равна нулю. Такова была работоторговля. Рабы покупались по низкой мгновенной стоимости

(по себестоимости обмениваемых товаров) при отсутствии обычной невидимой стоимости. То есть тот факт, что удаление человека из Западной Африки снижало производственный потенциал региона, *ничего* не стоил Европейской мирэкономике, т.к. эти территории не были частью разделения труда. Конечно, если бы работорговля полностью лишила Африку всех возможностей поставлять рабов, то реальная стоимость для Европы появилась бы. Но исторически эта точка не была достигнута. Однако когда Африка стала частью периферии, реальная стоимость раба в смысле производства прибыли для мировой экономики поднялась до такого уровня, что стало гораздо более экономически выгодно использовать наемный труд, даже на сахарных и хлопковых плантациях, и именно это обнаружилось в девятнадцатом веке в Карибском бассейне и других регионах рабского труда.

Появление обширных новых периферийных территорий расширившейся мировой экономики сделало возможным сдвиг в ролях некоторых других территорий. Конкретно, и США, и Германия (когда она появилась) соединяли в себе бывшие периферийные и полупериферийные области. Производственный сектор в каждой из них смог получить политическую власть, так как периферийные субрегионы стали менее экономически значимыми в мировой экономике. Меркантилизм теперь стал главным инструментом стран полупериферии, стремящихся войти в ядро, при этом все еще выполняя функцию, аналогичную меркантилистским действиям Англии и Франции в конце семнадцатого и восемнадцатом веке. Если быть точным, усилия стран полупериферии по «индустриализации» были в разной степени успешными в период до Первой Мировой: полностью в США, отчасти в Германии и совершенно нет в России.

Внутренняя структура стран ядра также фундаментально изменилась при индустриальном капитализме. Для стран ядра индустриализм включал приостановку практически всей сельскохозяйственной деятельности (не считая того, что в двадцатом веке дальнейшая механизация создаст новую форму обработки земли, которая будет столь высоко механизирована, что заслужит название индустриальной). Поэтому тогда как в период 1700-40 гг. Англия была не только ведущим промышленным, но и сельскохозяйственным экспортером Европы – это было в высшей точке общеэкономической рецессии – к 1900 г. менее 10% населения Англии были заняты сельскохозяйственным производством.

В первое время при промышленном капитализме ядро обменивало промышленные продукты на сельскохозяйственную продукцию периферии – поэтому Британия с 1815 по 1873 гг. была «мастерской мира». Даже для тех стран, которые имели некоторую промышленность (Франция, Германия, Бельгия, США), Британия в этот период обеспечивала около половины их потребности в промышленных товарах. Однако когда меркантилистская практика этой последней группы отрезала рынки сбыта для Британии и даже создала для нее некоторую конкуренцию в продажах в страны периферии, конкуренцию, которая привела к «борьбе за Африку» в конце девятнадцатого века, мировое разделение труда было перераспределено с целью обеспечить новую роль для стран ядра: в меньшей степени обеспечение промышленными товарами, в большей степени обеспечение машинами для производства промышленных товаров, как и обеспечение инфраструктурой (в особенности, железными дорогами).

Рост промышленного производства впервые при капитализме создал большое количество городского пролетариата. И как результат впервые появилось то, что Мишельс назвал «массовым духом антикапитализма», который преобразовался в конкретные организационные формы (профсоюзы, социалистические партии). Это развитие вторглось как новый фактор, угрожающий стабильности государств и капиталистических сил, которые теперь контролировали их столь же прочно, как и центробежные силы региональных антикапиталистических земельных элементов в семнадцатом веке.

В то же самое время, когда буржуазии стран ядра столкнулись с этой угрозой внутренней стабильности структуры их государств, они одновременно столкнулись с экономическим кризисом последней трети девятнадцатого века, ставшим результатом роста сельскохозяйственного производства (и легкой промышленности), более быстрого, чем расширение потенциального рынка этих товаров. Какая-то часть прибыли должна была быть перераспределена, чтобы кто-то смог покупать эти товары, а экономическая машина смогла вернуться к нормальному функционированию. Путем увеличения покупательной способности промышленного пролетариата стран ядра мировая экономика одновременно решила две проблемы: узости спроса и тревожащего «классового конфликта» в странах ядра – как следствие, социальный либерализм или идеология государства благоденствия, которая возникла как раз вовремя.

Первая Мировая война была, как заметил современник, концом эры; а русская революция октября 1917 – началом новой – нашей четвертой стадии. Эта стадия была

несомненно стадией революционного брожения, но также она была, как бы парадоксально это ни казалось, стадией *консолидации* промышленной капиталистической мировой экономики. Русская революция была революцией в стране полупериферии, чей внутренний баланс сил был таковым, что с конца девятнадцатого века в ней начался упадок до статуса периферии. Это было результатом проникновения иностранного капитала в промышленный сектор, которое постепенно уничтожало все местные капиталистические силы, сопротивления механизации сельского хозяйства, упадка относительной военной мощи (что было продемонстрировано поражением от японцев в 1905 г.). Революция привела к власти группу государственных управляющих, которые обратили вспять каждую из этих тенденций, используя классическую технику меркантилистского ограниченного выхода из мировой экономики. В процессе этого теперешний СССР мобилизовал значительную поддержку населения, особенно в городском секторе. В конце Второй Мировой Россия вновь стала очень сильным членом полупериферии и могла начать продвижение к статусу полноценной державы ядра.

Между тем, упадок Британии, который начался с 1873 г., был подтвержден, и ее гегемонистская роль перешла к США. Пока США набирали вес, Германия откатилась еще дальше назад в результате военного поражения. Различные предпринятые в 1920-е Германией попытки найти новые рынки сбыта на Ближнем Востоке и в Южной Америке были неудачными из-за рывка США в сочетании с остающейся относительной силой Англии. Отчаянная попытка Германии вернуть потерянные позиции приняла гибельную и неудачную форму нацизма.

Именно Вторая Мировая война позволила США на короткий период (1945-65) достичь того же уровня превосходства, какой имела Британия в первой половине девятнадцатого века. Рост США в это период был впечатляющим и создал огромную потребность в расширении рынков сбыта. Холодная война закрыла для экспорта из США не только СССР, но и Восточную Европу. А китайская революция означала, что этот регион, который должен был стать объектом обширной эксплуататорской деятельности, тоже был отрезан. Оставалось три зоны, и за каждую боролись с усердием. Во-первых, Западная Европа должна была быть быстро «реконструирована», и план Маршала позволил этому региону играть ведущую роль в расширении мирового производства. Во-вторых, Латинская Америка стала резервом для инвестиций США, от которых теперь были полностью отрезаны Британия и Германия. В-третьих, Южная Азия,

Ближний Восток и Африка должны были быть деколонизированы. С одной стороны, это было необходимо для того, чтобы уменьшить долю прибыли, получаемой западно-европейскими посредниками, для чего Каннинг скрытно поддерживал революции в странах Латинской Америки, направленные против Испании в 1820-е. Но также эти страны должны были быть деколонизированы для того, чтобы мобилизовать производительный потенциал до такого уровня, который никогда не достигался в колониальную эру. Колониальное правление, в конце концов, было *худшей* формой взаимоотношений между ядром и периферией, которая была вызвана напряженным противостоянием конца девятнадцатого века между индустриальными странами, но более нежелательной с точки зрения новой державы-гегемона.

Но мировая капиталистическая экономика не допускает настоящей империи. Карлу V не удалось реализовать свою мечту о мировой империи. Pax Britannica стимулировала собственный упадок. То же самое сделала и Pax Americana. В каждом из этих случаев цена *политической* империи была слишком высока с экономической точки зрения, а в капиталистической системе в точке, когда прибыли начинают падать, ищут новую *политическую* формулу. В данном случае расходы увеличивались в нескольких областях. Усилия СССР по продолжению своей индустриализации, защите привилегированного рынка (Восточной Европы) и вторжению на другие рынки привели к огромному спиральному увеличению военных расходов, которые для Советского Союза обещали долгосрочные результаты, в то время как для США оставались очень быстрым бегом с целью остаться на месте. Экономическое возрождение Западной Европы, необходимое как для обеспечения рынков для товаров и инвестиций США, так и для противодействия военному рывку СССР, со временем привело к тому, что государственные структуры западной Европы вместе стали столь же сильны, как и США, что в конце 1960-х привело к «кризису доллара и золота» и отказу Никсона от свободной торговли, которая является отличительной чертой уверенного в себе лидера в капиталистической рыночной системе. Если к этому добавить накопившееся давление со стороны третьего мира, особенно Вьетнама, то станет понятно, что реструктуризация мирового разделения труда была неизбежна, что привело к четырехстороннему разделению основной части мировых прибылей между США, Европейским Общим рынком, Японией и СССР.

Такой упадок государственной гегемонии США на самом деле *увеличил* свободу

действия капиталистических предприятий, самые большие из которых теперь приняли форму транснациональных корпораций, способных маневрировать между государственными бюрократиями в случаях, когда национальные политики становились слишком чувствительны к внутреннему давлению рабочих. Могут ли некоторые эффективные связи быть установлены между транснациональными корпорациями, в настоящий момент в своей деятельности ограниченными определенными областями, и СССР, мы еще увидим, но это никак не является невозможным.

Это возвращает нас к одному из вопросов, которым мы начали данную работу, кажущемуся эзотерическим спору между Лю Шаочи и Мао Цзедунем по поводу того, является ли Китай, как считал Лю, социалистическим государством, или, как полагал Мао, социализм есть *процесс*, включающий в себя длительную и непрекращающуюся классовую борьбу. Тем, кто не знаком с терминологией, дискуссия несомненно кажется абсолютно доктринерской. Однако проблема, как мы уже говорили, является реальной. Если Русская революция началась как реакция на возможность дальнейшего упадка структурной позиции России в мировой экономике, и если спустя пятьдесят лет мы можем сказать, что СССР становится державой ядра *капиталистической* мировой экономики, каково тогда значение различных так называемых социалистических революций, которые произошли на трети земной поверхности? Во-первых, давайте заметим, что «социалистические революции» произошли не в Таиланде, Либерии или Парагвае, а в России, Китае и на Кубе. То есть эти революции произошли в странах, которые, с точки зрения их внутренних экономических структур в дореволюционный период, имели определенную минимальную силу в плане квалифицированного персонала, определенной промышленности и других факторов, которые делали вероятным, что в рамках капиталистической мироэкономики такие страны могли изменить свою роль в разделении труда в течение определенного периода (скажем, 30-50 лет), используя технику меркантилистского ограниченного выхода (это может быть не совсем верным для Кубы, но мы увидим в будущем). Разумеется, другие страны, находящиеся в географической близости или под военным влиянием этих революционных сил, сменили свои режимы, не имея никаких из этих характеристик (например, Монголия или Албания). Также нужно заметить, что многие страны, в которых похожие силы имеют влияние или требуется значительное противодействие, чтобы сдержать их появление, также имеют этот статус минимальной силы. Я говорю о Чили, или Бразилии, или Египте –

или даже Италии.

Не видим ли мы появление политической структуры для *полупериферийных* наций, адаптированной для четвертой стадии капиталистической миросистемы? Тот факт, что в этих странах все предприятия национализированы, не означает, что участие этих предприятий в мировой экономике не подчиняется модели функционирования капиталистической рыночной системы: стремлению к увеличению эффективности производства с целью извлечения максимальной выгоды из продаж, таким образом достигая более благоприятного распределения прибыли мировой экономики. Если завтра U.S. Steel станет рабочим коллективом, в котором все сотрудники без исключения будут получать одинаковую долю прибыли, а все держатели акций будут экспроприированы без компенсации, прекратит ли тогда U.S. Steel быть капиталистическим предприятием, действующим в капиталистической мироэкономике?

Каковы тогда были для мировой системы последствия того, что появилось множество государств, в которых отсутствует частная собственность на основные средства производства? В некоторой степени это означало внутреннее перераспределение потребления. Это несомненно подорвало идеологические обоснования мирового капитализма, как показав политическую уязвимость капиталистических предпринимателей, так и продемонстрировав, что частная собственность несовместима с быстрым увеличением эффективности промышленного производства. Но в той мере, в которой оно дало повысить способность новых полупериферийных областей получать более значительную часть мировой прибыли, оно вновь деполаризировало мир, воссоздав триаду страт, которая была фундаментом для сохранения миросистемы.

Наконец, что касается периферийных областей мировой экономики, как продолжающаяся экономическая экспансия ядра (хотя в ядре происходит внутреннее перераспределение прибыли), так и усиление полупериферии привели к дальнейшему ослаблению политической и, как следствие, экономической позиции периферийных областей. Эксперты отмечают, что «разрыв увеличивается», но до сих пор никому не удалось этого изменить, и непохоже, чтобы в интересах многих было это сделать. Во многих странах не только не наблюдается укрепление государственной власти, но мы становимся свидетелями такого же упадка, который познала Польша в шестнадцатом веке, упадка, лишь одним из свидетельств которого является частота военных переворотов.

Все это приводит нас к заключению о том, что четвертая стадия является стадией *консолидации* мировой экономики.

Консолидация, однако, не означает отсутствия противоречий и не свидетельствует о вероятности выживания в долгосрочной перспективе. Таким образом, мы переходим к предположениям о будущем, которые всегда были великой игрой людей, самым весомым аргументом в пользу учения о первородном грехе. Прочитав Данте, я потому буду краток.

Существует, как мне кажется, два фундаментальных противоречия в функционировании капиталистической миросистемы. Во-первых, существует то противоречие, на которое указывали марксисты девятнадцатого века и которое я бы сформулировал так: в то время как в краткосрочной перспективе максимизация прибыли требует возможно большего изъятия прибавочного продукта из немедленного потребления большинством, в долгосрочной перспективе продолжение производства прибавочного продукта требует массового спроса, который может быть создан только посредством перераспределения изъятых прибавочного продукта. Так как эти два соображения ведут в противоположные стороны («противоречие»), система подвержена постоянным кризисам, которые в долгосрочной перспективе ослабляют ее и делают игру менее стоящей для привилегированных слоев.

Второе фундаментальное противоречие, на которое указывает разработанная Мао концепция социализма как процесса, такова: когда обладатели привилегий стремятся кооптировать в свою среду оппозиционное движение, предоставляя ему незначительную долю привилегий, они несомненно могут победить оппонентов в краткосрочной перспективе; но они также дают деньги для следующего оппозиционного движения, созданного следующим кризисом мировой экономики. Таким образом, цена «кооптации» поднимается еще выше, а выгода от кооптации кажется менее стоящей.

Сегодня в мировой экономике нет социалистических систем, точно так же как нет и феодальных систем, так как существует только *одна* мировая система. Это мировая экономика, и она по определению является капиталистической по своей форме. Социализм подразумевает создание нового типа миросистемы, которая не будет являться ни перераспределительной мировой империей, ни капиталистической мировой экономикой, а будет социалистическим мировым правительством. Я не считаю, что этот прогноз является в какой бы то ни было мере утопическим, но я также не считаю, что его

установление близится. Оно будет результатом длительной борьбы в формах, которые могут быть нам знакомы, а также, возможно, в совершенно новых формах, которая будет происходить во *всех* областях мировой экономики (продолжительная «классовая борьба» Мао). Власть может находиться в руках людей, групп или движений, симпатизирующих этой трансформации, но *государства* как таковые не являются ни прогрессивными, ни реакционными. Таких оценочных характеристик заслуживают движения и силы.

Зайдя в прогнозировании будущего настолько далеко, насколько мне хотелось, я вернусь к настоящему и к научному предпринятию, которое никогда не является нейтральным, но всегда имеет свою логику и в некоторой степени свои приоритеты. Мы в общих чертах описали концепцию миросистем, имеющих свои структурные части и последовательные стадии, как основной единицы рассмотрения. Я полагаю, что именно в рамках такой концепции мы можем продуктивно заниматься сравнительным анализом – как целого, так и частей целого. Концепции предшествуют и направляют измерения. Я всецело за детальные и совершенные количественные показатели. Я всецело за обстоятельную и кропотливую архивную работу, которая проследит конкретные исторические события во всей их непосредственной сложности. Но смысл и тех, и других в том, чтобы позволить нам лучше увидеть, что происходило и происходит. Для этого нам нужны очки, чтобы распознавать отличия, нам нужны модели, чтобы определять важность, нам нужны обобщающие концепции, чтобы создавать знания, которыми мы можем делиться друг с другом. И все это потому, что мы – люди, наделенные тщеславием и первородным грехом, а потому стремящиеся к благу, истине и красоте.

ЧЕТВЕРТАЯ ОСТАНОВКА

1. Дайте краткую характеристику каждой стадии развития современной мировой экономики. Чем обосновано возникновение и окончание каждой стадии? Когда исчезли другие мировые системы?
2. Как изменилась структура ядра при индустриальном капитализме?
3. Почему мировая капиталистическая экономика не допускает существования настоящей империи?
4. Опишите роль СССР в образовании и функционировании четвертой стадии мировой экономики.
5. Почему четвертая стадия является стадией «консолидации» мировой экономики?
6. Какие два фундаментальных противоречия заложены в функционировании капиталистической миросистемы?
7. Какой прогноз автор дает относительно будущего капиталистической миросистемы?
8. Обозначьте общее и различное в «классическом» марксизме и мир-системной теории И. Валлерстайна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая изучение глобализма в рамках «Теории международных отношений», важно остановиться на его базовых ключевых теоретических положениях, которые позволяют проводить сравнение с другими парадигмами.

Напомним, что ранее (после завершения изучения реалистической и плюралистической парадигм) уже предлагалось заполнить таблицу. Вопросы для сравнения помогут выделить отличительные черты парадигм:

	РЕАЛИЗМ	ПЛЮРАЛИЗМ	ГЛОБАЛИЗМ
Что является объектом анализа в исследованиях?	Государство – ключевой актор	Важны не только государства, но и «негосударственные» акторы	
Как характеризуются ключевые акторы?	Государства рассматриваются как единые, неделимые единицы	Государство рассматривается как состоящее из множества «компонентов», некоторые из которых могут действовать транснационально	
Как можно охарактеризовать поведение акторов?	Государство – рационально действующий актор, преследующий свои интересы и внешнеполитические цели	Процесс принятия внешнеполитических решений и транснациональные процессы, включающие конфликт, создание коалиций, компромисс, не всегда приводят к оптимальным результатам	
Какие вопросы стоят в центре рассмотрения ученых?	Наиболее важная проблематика – обеспечение национальной безопасности	Весь спектр проблем, стоящих перед современным государством, включая социо-экономические вопросы	

Подводя итоги изучения глобализма, подумайте над следующими вопросами:

1. Что объединяет различные концепции и теории в рамках парадигмы?
2. Какая из теорий Вам наиболее близка? Почему?
3. Каковы пределы и возможности использования концепций и теорий, сложившихся в рамках неомарксистской парадигмы (глобализма), в анализе современных международных отношений?

Материалы для чтения по теории международных отношений
Часть 3. Глобализм

Авторы-составители:
Юлия Павловна **Помелова**
Ольга Владимировна **Сафронова**

Учебно-методическое пособие

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского».
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23